

18+

The Play

ИГРА

Эта девушка... невероятна. Великолепна. Грандиозна. *Хантер*
Я помешана на нем. *Дем*

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Эль Кеннеди

Игра

Серия «Love&Game»

Серия «Университет Брайар», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57761249

Игра: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122914-6

Аннотация

Какой урок я усвоил после того, как в прошлом году мои развлечения стоили моей хоккейной команде целого сезона? Больше никаких провалов. Больше никаких шашней, и точка. Как новому капитану команды, мне нужна новая философия: сначала хоккей и учеба, а потом уже девушки. То есть я, Хантер Дэвенпорт, официально принимаю целибат... и неважно, насколько это все усложнит. Но в правилах ничего не сказано о том, что мне нельзя *дружить* с девушкой. И не буду лгать: моя сокурсница Деми Дэвис – классная телка. Ее остроумный рот чертовски горяч, как и все в ней, но тот факт, что у нее есть парень, исключает любой соблазн до нее дотронуться. Вот только проходит три месяца нашей дружбы, и Деми одна и в поисках новых отношений. И она нацелилась на меня. Избегать ее невозможно. Мы вместе работаем над годовым

учебным проектом, но я уверен, что смогу ей противостоять. Между нами все равно ничего не выйдет. У нас слишком разное происхождение, цели, противоречащие друг другу, а ее родители меня терпеть не могут. Мутить с ней – очень плохая идея. Осталось только убедить в этом свое тело – и сердце.

Содержание

1	6
2	17
3	34
4	45
5	55
6	67
7	80
8	93
9	109
10	125
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Эль Кеннеди

Игра

Elle Kennedy
THE PLAY

Copyright © 2019. THE PLAY by Elle Kennedy
© Анна Григорьева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Саре Джей Маас за твою поддержку и энтузиазм.

И за то, что напоминаешь мне, почему я пишу

1

Хантер

Эта вечеринка – полный отстой.

Наверное, стоило остаться дома, но в последнее время «дом» превратился в съемочную площадку реалити-шоу семьи Кардашьян. Благодаря трем моим соседкам уровень эстрогена там явно превышен.

Правда, этого вещества и тут, в особняке Теты Беты, чертовски много, но к такому эстрогену мне можно чувствовать влечение. Все мои соседки состоят в отношениях, поэтому прикоснуться к ним я не могу.

Ни к одной из этих эсеницин ты тоже не можешь прикоснуться...

Это правда. Из-за добровольно наложенного на себя воздержания мне нельзя прикоснуться ни к кому, и точка.

Из чего вытекает вопрос: если в лесу падает дерево, а ты не можешь потрахаться ни с кем на вечеринке в особняке сестринства, считается ли это вообще вечеринкой?¹

Я обвиваю пальцы вокруг красного пластикового стакан-

¹ Отсылка к философской загадке: «Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?»

чика, который Мэтт Андерсон, мой друг и товарищ по команде, сунул мне в руки.

– Спасибо, – бормочу я.

Я делаю глоток и морщусь. Пиво на вкус как вода, хотя, возможно, это и хорошо. Неплохой стимул ограничиться одним стаканом. Утренняя раскатка начнется только в десять, но я планирую прийти на арену часа на два раньше, чтобы поработать над «щелчком»².

После провального окончания прошлого сезона я поклялся сделать хоккей своим приоритетом. Новый семестр начинается в понедельник, наша первая игра – на следующей неделе, и мотивации у меня полно. Университет Брайара не прошел отбор на национальный чемпионат в прошлом году, и это моя вина. В этом сезоне все будет по-другому.

– Что о ней думаешь? – Мэтт чуть заметно кивает в сторону милой девушки в крошечных шортах и бледно-розовом топе. На ней нет бюстгалтера, и под шелковой тканью видны очертания ее крошечных сосков.

Мой рот наполняется слюной.

Я говорил, что это пижамная вечеринка? Ага-ага, у меня не было секса почти пять месяцев, и я начинаю свой третий курс на вечеринке с едва ли одетыми девушками. Я никогда не утверждал, что умный.

– Она отпад, – говорю я Мэтту. – Давай не тяни.

– Да я бы рад, только... – Он сердито выдыхает. – Она

² Вид броска шайбы в хоккее.

смотрит на *тебя*.

– Ну, я вне зоны доступа, – пожимаю я плечами. – Так что можешь подойти и сказать ей это сам. – Я добродушно тыкаю ему в руку. – Уверен, в качестве утешительного приза ей тебя хватит.

– Ха! Иди на хрен. Я не собираюсь быть чьим-то запасным вариантом. Я лучше найду ту, кто жаждет переспать со мной, и если это не она, то черт с ней. Я не хочу бороться за женское внимание.

Вот почему мне нравится Мэтт: на льду он бьется до конца, но за пределами арены он очень даже приличный парень. Я играл в хоккей всю свою жизнь и имел дело с товарищами по команде, которые могли увести чужую девушку или еще хуже – замутить с ней за спиной ее парня и даже глазом не моргнуть. Я играл с теми, кто относился к фанаткам нашей команды как к одноразовым вещам, кто делился девушками как «Тик-Таком». Это люди с нулевым уважением и ужасными принципами.

Но в Брайаре мне повезло быть в команде с надежными чуваками. Конечно, в семье не без уроды, но по большей части я играю с хорошими парнями.

– Не думаю, что это будет сложно, – соглашаюсь я. – Брюнетка на два часа от тебя уже мысленно чпокается с тобой.

Его карие глаза с благодарностью расширяются, когда он смотрит в сторону соблазнительной девушки в короткой белой ночнушке. Они встречаются взглядом, она краснеет,

смущенно улыбается и поднимает стакан в беззвучном тосте.

Мэтт бросает меня, даже не оглядываясь. Я его не виню.

Гостиная заполнена девушками в белье и парнями в пижамах от Хью Хефнера. Я не знал, что вечеринка будет тематической, поэтому надел шорты и белую майку, и меня это устраивает. Большинство чуваков вокруг меня выглядят ужасно нелепо в своих прикидах.

– Тебе тут нравится? – Музыка орет, но я слышу девушку – ту, которая приглянулась Мэтту сначала.

– Да. Тут мило, – пожимаю я плечами. – И ди-джей неплохой.

Она подходит ближе.

– Я Джина.

– Хантер.

– Я знаю, кто ты. – В ее голосе звучит сочувствие. – Я видела игру против Гарварда, когда тот мудака сломал тебе запястье. Поверить не могу, что он это сделал.

А я могу. Я трахнул его девушку.

Но я держу это при себе. Не то чтобы я сделал это умышленно. Я понятия не имел, что это за девушка, когда переспал с ней, а она, по всей видимости, знала, кто я. Она хотела отомстить своему парню, но узнал я об этом, только когда он набросился на меня посреди второй по важности игры сезона – той, которая определяет, кто войдет в «Замороженную Четверку», первую по важности игру университетского сезона. Сломанное запястье было результатом удара о лед. Му-

дак из Гарварда не хотел мне его сломать, но это случилось и стоило мне участия в игре. Как и нашему капитану Нейту Роудсу, который был дисквалифицирован за драку, когда пытался меня защитить.

Я вырываю себя из прошлого.

– Это был дерьмовый способ закончить сезон, – говорю я.

Ее ладонь ложится на мой правый бицепс. Мои руки в последнее время выглядят огромными, если можно так говорить о себе. Когда у тебя нет секса, сохранить вменяемость можно только благодаря тренировкам.

– Мне жаль, – мурлычет Джина. Ее пальцы мягко скользят по моей голой коже, обжигаяще укалывая руку.

Я чуть не издаю громкий стон. Просто охренеть, я настолько озабочен, что у меня встает даже от поглаживания *руки*.

Я знаю, что должен отстраниться, но уже столько времени прошло с тех пор, как меня касались не по-дружески. Дома мои соседки постоянно меня лапают, но в этом нет ничего сексуального. Бренна любит шутливо ущипнуть меня за задницу или шлепнуть каждый раз, как мы встречаемся в коридоре, но она меня не хочет. Просто она засранка.

– Не хочешь уйти куда-нибудь в тихое место и поговорить или еще что-то? – предлагает Джина.

Я прожил на этой планете достаточно, чтобы понимать, что девушки имеют в виду под «поговорить или еще что-то»:

Первое, это значит, что разговор будет не так уж и мно-

го.

Второе, это значит, что будет много «еще чего-то».

Яснее было бы, только если бы она показывала знак с надписью «ТРАХНИ МЕНЯ!» Она даже облизывает губы, когда произносит вопрос.

Я знаю, что должен отказать, но меня не особо привлекает перспектива пойти прямо сейчас домой и подрочить в спальне, в то время как мои соседки устраивают марафон по просмотру старых сезонов «Голливудских холмов». Поэтому я говорю: «Конечно», – и следую за Джиной к выходу из комнаты.

Мы оказываемся в маленьком кабинете с диваном, парой книжных полок и столом у дальней стены у окна. Как ни странно, тут пусто. Боги вечеринки сжалились над моей целомудренной задницей и обеспечили нас опасным уединением, которого мне вообще-то нужно избегать. Тем не менее я уже на диване и позволяю Джине целовать мою шею.

Ее сатиновый топ трется о мою руку, и даже это ощущение становится почти порнографическим. В последнее время меня возбуждает все. На днях у меня встал от рекламы «Тапперваре» на «Ютубе», потому что мамаша в ней снимала кожуру с банана. После этого она порезала его и положила в пластиковый контейнер, но даже этот ужасный символизм не помешал мне подрочить на Женщину с Бананом. Дайте мне несколько месяцев, и я буду трахать яблочные пироги, которые каждый день печет моя соседка Рупи.

– Ты так хорошо пахнешь. – Джина глубоко вдыхает, потом выдыхает, и ее теплое дыхание щекочет меня. Она опять присасывается губами к моей коже, оставляя горячее мокрое клеймо на моей шее.

Приятно чувствовать ее на своих коленях. Ее стройные бедра обхватывают мои, ее одетое в шелк тело теплое и соблазнительное. И я должен это прекратить.

Я дал обещание себе и своей команде, хотя никто из них не просил меня об этом и все они считают меня сумасшедшим даже за попытку воздерживаться. Мэтт прямо выразил сомнение, что мое игнорирование сексуальных потребностей хоть как-то повлияет на нашу игру. Но я верю в это, и для меня это дело принципа. Парни выбрали меня капитаном. Я серьезно отношусь к этой ответственности и из личного опыта знаю, что часто позволяю девушкам дурить мне голову. Разгульная жизнь стоила мне в прошлом году сломанного запястья. Я не хочу это повторять.

– Джина, я...

Она прижимает свои губы к моим, не давая договорить, и вот мы уже целуемся и мой разум начинает плыть. На вкус она как пиво и жвачка. И ее волосы, ниспадающие на одно плечо густой завесой рыжих кудрей, пахнут яблоками. М-м-м, я бы съел ее прямо здесь.

Наши языки сливаются в танце, и поцелуй становится глубже, горячее. Моя голова продолжает кружиться, а внутри меня воюют похоть и страдание. Я разучился ясно мыс-

лить. Мое возбуждение причиняет мне боль, и Джина, потираясь о мой пах, делает все только хуже.

«Еще тридцать секунд», – говорю я себе. Тридцать секунд, и я это прекращу.

– Как я тебя хочу. – Ее губы снова прижаты к моей шее, а потом, *мать твою*, она просовывает руку между нами. Она накрывает мой член через ткань моих шорт, и я чуть не рыдаю от удовольствия. Столько времени прошло с тех пор, как чья-то ладонь, кроме моей, прикасалась к моему члену. Такие ощущения – это незаконно.

– Джина, нет, – стону я, и вся моя сила воли уходит на то, чтобы убрать ее руку. Мой член в знак протеста заливает мои боксеры предсеменной жидкостью.

Ее щеки покрыты румянцем. Взгляд затуманен.

– Почему нет?

– Я... взял перерыв от всего этого.

– От чего?

– Секса.

– А что с ним?

– Я пока что живу без него.

– Без чего? – Она выглядит настолько же озадаченной, насколько я – жалким.

– Без секса, – с горечью поясняю я. – То есть я какое-то время не буду им заниматься.

Ее брови смыкаются.

– Но... почему нет?

– Это долгая история. – Я замолкаю. – Вообще-то это совсем не долгая история. Я хочу сосредоточиться на хоккее в этом году, а секс слишком сильно меня отвлекает. В общем-то, на этом все.

Какое-то время она молчит, а затем касается моей щеки и проводит большим пальцем по щетине на челюсти. Она облизывает губы, и я чуть не кончаю в трусы.

– Если ты боишься, что я захочу чего-то большего, то не надо. Я только ищу связь на одну ночь. Загрузка по учебе в этом семестре просто сумасшедшая, у меня тоже нет времени на отношения.

– Дело не в отношениях, – пытаюсь объяснить я. – Дело в сексе вообще. Как только я им занимаюсь, я хочу продолжать им заниматься. Я отвлекаюсь и...

Она опять меня перебивает:

– Хорошо, никакого секса. Давай я просто тебе отсосу.

Я чуть не давлюсь собственным языком.

– Джина...

– Забей, мне это тоже доставит удовольствие. Минет очень меня возбуждает.

Это пытка.

Чистой воды пытка.

Вооруженным силам случайно не нужны идеи, как кого-то сломать? Дайте им озабоченного студента, посадите ему на колени горячую телку, и пусть она говорит ему, как хочет только секс без презервативов, и предлагает ему минет, по-

тому что это *очень ее возбуждает*.

– Прости, – сумел прохрипеть я, а потом совершил еще больший подвиг: снял ее со своих колен и встал на ноги. – Я сейчас не в том состоянии, чтобы заниматься... хоть чем-то из этого.

Она остается сидеть, уставившись на меня снизу вверх. Ее глаза расширены от недоверия и доли... как мне кажется, сочувствия. Господи. Теперь меня жалеют из-за моего воздержания.

– Прости, – повторяю я. – И просто чтобы ты знала: ты самая горячая девушка на этой вечеринке, и мое решение никак не связано с тобой. Я дал себе обещание еще в апреле и хочу его сдержать.

Джина закусывает нижнюю губу. А затем, к моему удивлению, на ее лице появляется проблеск восхищения.

– Не буду скрывать, – говорит она, – я даже в какой-то степени впечатлена. Мало кто из парней смог бы выстоять перед моей сексуальностью из-за своих убеждений.

– Мало кто из парней так же глуп, как и я.

Ухмыляясь, она вскакивает на ноги.

– Что ж, тогда еще увидимся, Хантер. Хотела бы сказать, что буду ждать тебя, но у девушек есть свои потребности. И, разумеется, они не соответствуют твоим.

Посмеявшись, она уходит из кабинета, и я смотрю, как ее сексуальная задница покачивается при каждом шаге.

Я провожу обеими руками по волосам и издаю беззвуч-

ный стон в ладони. Я не знаю, должен ли я гордиться собой или надрать себе задницу за то, какой нелепой дорожкой пошел.

По большей части это *и правда* помогло мне оставаться сфокусированным на хоккее. Я выплескиваю всю свою сексуальную неудовлетворенность на лед. Я быстрее и сильнее, чем был в прошлом сезоне, и в каждом моем ударе в ворота чувствуется почти отчаяние. Пули попадают в цель, будто отдавая должное моему страдающему члену. Признавая, что его жертва должна быть вознаграждена.

«Это все только до конца сезона», – успокаиваю я себя. Еще семь месяцев, которые приведут меня к полному году воздержания, как только я пересечу финишную черту. И я вознагражу себя целым летом секса. Секс-летом.

Грязным, упадническим, бесконечным секс-летом...

О боже. Я так устал трахать свою собственную руку. Правда, я не облегчаю себе задачу тем, что по-идиотски поддаюсь соблазну с потрясающей девушкой из сестринства.

Впервые за долгое время я с нетерпением жду начала занятий. Надеюсь, у меня в этом семестре будет столько работы, что я буду в ней тонуть. Домашние задания, дополнительные тренировки, практика и игры, – только на этом мне можно фокусироваться. И уж точно больше никаких вечеринок сестринства.

Избегать соблазнов – это единственный способ держать мысли в игре, а член – в штанах.

2

Деми

– Запри, – говорю я, когда мой парень Нико закрывает за нами дверь спальни. То, что мое сестринство устраивает сегодня вечеринку, не означает, что моя комната для всех открыта. Во время последней вечеринки я забыла ее запереть, а потом пошла наверх за свитером и зашла в комнату прямо посреди групповухи. Одному из двоих парней даже хватило наглости подложить под задницу девушки мою одноглазую плюшевую панду Фернандо. Ну, вы понимаете, чтобы облегчить двойное проникновение.

«Это больше не повторится, Фернандо», – молча заверяю я друга детства, когда кладу его на прикроватную тумбочку, чтобы освободить место своему парню.

Нико падает спиной на кровать, закрывает лицо рукой и устало выдыхает. Он пропустил вечеринку из-за работы, но я ценю то, что он не поленился приехать после смены вместо того, чтобы пойти домой в свою квартиру-студию, которую он снимает в Гастингсе. Это маленький город, в десяти минутах езды от Брайара, не особо далеко. Но я знаю, что ему было бы намного легче направиться напрямик домой и по-

валиться на кровать.

– Устал? – сочувственно спрашиваю я.

– Умер, – приглушенно отвечает он. Его глаза закрыты от меня предплечьем, что позволяет мне любоваться его телом, не слыша поддразниваний в свой адрес.

У Нико высокое, худощавое тело баскетболиста. Хотя он был разыгрывающим защитником в старшей школе, он не получил никаких университетских стипендий по баскетболу, а для Национальной баскетбольной ассоциации был недостаточно хорош. Но, мне кажется, ему все равно. Игра в мяч была для него просто веселым времяпрепровождением с друзьями, а его настоящей страстью были автомобили. И хотя он в последнее время не играет, он все еще остается в прекрасной форме. Физическую нагрузку ему обеспечивает ношение коробок и мебели, которым он занимается в транспортной компании.

– Бедняжка, – мурчу я. – Дай я о тебе позабочусь.

Улыбаясь, я начинаю с нижней части его тела и двигаюсь вверх. Снимаю его кроссовки, расстегиваю ремень, стягиваю брюки. Он садится, чтобы я могла снять с него худи, и снова валится на постель. Теперь он почти голый, на нем только боксеры и носки, а рука снова прячет глаза от света.

Сжалившись над ним, я выключаю основной свет и щелкаю лампой на прикроватном столике, которая испускает бледный свет.

Затем я устраиваюсь рядом с ним, одетая для вечеринки

в черную шелковую ночнушку.

– Деми, – бормочет он, когда я начинаю целовать его шею.

– М-м?

– Я слишком сильно устал.

Мой рот движется вдоль линии его челюсти; я трусь губами о жесткую щетину. Я дохожу до его рта и мягко целую его. Он отвечает, но это мимолетная ласка. Затем он опять издает усталый стон.

– Детка, серьезно, у меня совершенно нет сил. Я проработал четырнадцать часов подряд.

– Я сделаю все сама, – шепчу я, но когда моя ладонь скользит вниз к его паху, там нет никаких признаков жизни. Его член как обмякшая макаронина.

– Еще одну ночь, *мами*, – сонно говорит он. – Может, ты включишь свой жуткий сериал?

Я сглатываю разочарование. У нас не было секса больше недели. Нико работает по выходным и иногда вечерами по будням, но завтра на работу ему не надо, поэтому сегодня одна из редких суббот, когда мы могли бы не спать допоздна и развлекаться.

Но он не двинул ни единым мускулом с тех пор, как лег.

– Хорошо, – смягчаюсь я, поворачиваясь, чтобы взять ноутбук. – Новый эпизод – «Дети-убийцы», но я не помню, заставила ли я тебя посмотреть предыдущий – «Клоуны-убийцы»?

Нико тихо храпит.

Замечательно. Сейчас субботний вечер, внизу бушует вечеринка, а на часах даже нет десяти. Мой горячий парень крепко спит, а я собираюсь смотреть сериал об убийцах. Одна.

Не жизнь, а мечта. Ву-хуу.

В довершение ко всему таких спокойных выходных у нас больше не будет еще долгое время. Осенний семестр начинается в понедельник, и расписание в этом году у меня очень загруженное. Я хочу стать врачом, поэтому последние два года в Брайаре я должна учиться отлично и даже лучше, чтобы поступить в хорошую медицинскую школу. Я даже близко не смогу проводить столько времени с Нико, сколько захочу.

Я кидаю быстрый взгляд на храпящую глыбу рядом с собой. Его, похоже, не заботитдвигающееся на нас отсутствие свободного времени. Но, возможно, он прав. Мы встречаемся с восьмого класса. Наши отношения переживали за все эти годы взлеты и падения и даже какие-то разрывы, но мы справились со всеми препятствиями, и с этим мы тоже справимся.

Я заползаю под одеяло, что не так-то просто, учитывая, что тяжелое тело Нико оттягивает его с другой стороны. Поставив ноутбук на колени, я загружаю следующий эпизод любимого сериала. Я бы хотела сказать, что смотрю сериалы в одиночестве ради психологической составляющей, но... кого я обманываю? Мне это нравится.

Спальню заполняет зловещая музыка, за которой следу-

ет знакомый монотонный голос британского ведущего, сообщаящего, что меня ждут шестьдесят восхитительных минут с детьми-убийцами.

Выходные подходят к концу. Утро понедельника приносит с собой первое занятие моего третьего курса, которое я жду больше всего, – психопатологию. Более того, два моих хороших друга тоже будут посещать эти занятия. Они ждут меня на каменных ступенях массивного здания, покрытого плющом.

– Божечки, ты выглядишь просто отпад! – Пакс Лин обхватывает меня руками, громко чмокает в щеку и щипает за задницу. На мне джинсовые шорты и полосатая майка, потому что температура сегодня под миллион градусов. Не то чтобы я жалуясь на то, что в сентябре лето еще продолжается. Добавь жару, детка.

– *Что* эти шорты делают с твоими ногами... – восторгается Пакс.

Ти-Джей Буковски рядом с ним закатывает глаза. Когда я их только познакомила, Ти-Джею не нравилась чрезмерная эмоциональность Пакса. Но в конце концов он прикипел к Паксу, и теперь их дружба балансирует между любовью и ненавистью, что меня забавляет.

– Ты и сам отлично выглядишь, – сообщаю я Паксу. – Рубашка просто супер.

Он поднимает воротник зеленого поло.

– Это Гуччи, девочки. Мы с сестрой на выходных были

в Бостоне и потратили слегка слишком много денег. Но оно того стоит, да? – Он поворачивается, чтобы показать свою новую рубашку.

Ти-Джей поправляет лямку рюкзака.

– Пойдемте уже. Лучше не опаздывать на первое занятие.

Я слышал, Эндрюс в этом плане жесткая.

Я смеюсь.

– Еще пятнадцать минут. Успокойся.

– Ты всерьез сказала *Томасу Джозефу* успокоиться? – спрашивает Пакс. – Этот режим у него не работает.

Он прав. Ти-Джей – ходячий и говорящий сгусток нервов.

Ти-Джей злобно на нас смотрит. Ему не нравится, когда над ним смеются, особенно из-за его тревожности, поэтому я беру его за руку и тепло сжимаю.

– Не обижайся, дорогой. Мне нравится, что ты паникер. Благодаря этому я никогда не опаздываю.

С легкой улыбкой он сжимает мою ладонь в ответ. Мы встретились с ним на первом курсе, когда жили в одной общаге. Мои соседи были абсолютно невыносимы, поэтому комната Ти-Джея стала для меня своего рода убежищем. С ним не всегда легко, но с первого дня он был для меня хорошим другом.

– Сто-о-ой!

Спокойный утренний воздух пронзает женский визг. Я оборачиваюсь и вижу миниатюрную девушку, мчащуюся по аллее. Она одета в черное платье до колена с большими бе-

лыми пуговицами посередине. В поднятой к небу руке – что-то похожее на пластиковый контейнер для еды.

Темноволосый парень останавливается у ступеней. Он высокий и подтянутый, что заметно даже в мешковатом сером худи с символом Брайарского университета. Он нахмуривает красивое лицо, когда понимает, что его преследуют.

Девушка резко тормозит прямо перед ним. Я не слышу, что он ей говорит, но отвечает она громко и четко. Мне кажется, я встречала мало кого громче нее.

– Я приготовила тебе обед! – Широко улыбаясь, она протягивает ему контейнер, словно святой Грааль.

Но во всем его теле читается раздражение, как будто она дает ему не еду, а собачьи какашки.

Серьезно? Его девушка сделала ему обед, а от него нет никаких благодарных объятий? Козел.

– Терпеть не могу этого парня, – бормочет Ти-Джей.

– Ты его знаешь? – Я не могу стереть с лица скептицизм. Ти-Джей не особо тусуется с качками, а этот парень – сто-процентный качок. Широкие плечи выдают его с головой.

– Это Хантер Дэвенпорт, – говорит Пакс, и я сразу же узнаю интонацию в его голосе. Перевод: «О боже, я хочу его вылизать».

У него даже появился в глазах мечтательный взгляд.

– Кто такой Хантер Дэвенпорт? – спрашиваю я.

– Он в хоккейной команде.

Полное попадание. Я знала, что он спортсмен. Ох уж эти

плечи.

– Никогда о нем не слышала, – пожимаю я плечами.

– Ты ничего не потеряла. Он просто тупой богатенький качок, – говорит Ти-Джей.

Я поднимаю бровь.

– Что у тебя с ним? – Ти-Джей обычно не нападает на студентов-спортсменов. Или на кого-либо еще, если не считать периодических подколов в сторону Пакса.

– Ничего. Просто я считаю его мерзким. В прошлом году я случайно увидел, как он трахал какую-то шлюху в библиотеке. Полностью одетый, только штаны спущены до середины задницы. Он делал это прямо у стены в одной из аудиторий. – Ти-Джей с отвращением качает головой.

Мне тоже противно, но еще больше противно мне оттого, каким словом мой друг назвал девушку.

– Пожалуйста, не говори так, – упрекаю я его. – Ты же знаешь, я против такого отношения к девушкам.

Ти-Джей тут же раскаивается.

– Прости, ты права, так нельзя. В этой истории шлюхой был скорее Дэвенпорт.

– Почему вообще кто-то должен быть шлюхой?

– Я хочу быть его шлюхой, – рассеянно говорит Пакс. Его взгляд остается прикованным к темноволосому хоккеисту, который все еще ссорится со своей девушкой.

Девушка продолжает совать контейнер из «Тапперваре» ему в руки, а он продолжает отказываться. По-моему, он го-

ворит, что у него не будет времени поесть, потому что в ответ она визжит:

– Время для еды всегда есть, Хантер! Хотя знаешь что, ладно. Оставайся голодным. Прости меня за то, что попыталась предложить тебе пищу!

Ухмыляясь, я складываю ладони рупором у рта и кричу:

– Возьми уже этот хренов обед!

Голова Дэвенпорта поворачивается в мою сторону. Он сильно нахмуривается.

А девушка, наоборот, широко мне улыбается.

– *Спасибо!* – Она впихивает контейнер ему в руки и быстро уходит. Ее тонкие каблучки стучат, как обувь для чечетки, по булыжнику, покрывающему большую часть исторической территории университета.

Хоккеист со злобным взглядом подходит к нам.

– Ты понятия не имеешь, что натворила, – рычит он на меня. Его голос ниже, чем я ожидала, и с милой хрипотцой. Он поднимает контейнер. – Теперь мы создали прецедент. Она будет готовить мне хренов обед весь семестр.

Я закатываю глаза.

– Прости ее за то, что попыталась предложить тебе *пищу*.

Со вздохом он начинает отходить. Потом останавливается.

– О, привет, как дела? – говорит он Паксу.

Нижняя челюсть моего друга отвисает до его белых теннисных туфель. Они тоже выглядят новыми, так что, похоже,

рубашка не была единственной покупкой в Бостоне.

– Привет, – выдавливает Пакс, явно пораженный тем, что его выделили.

– Мы вместе ходили на занятия по альтернативным СМИ в прошлом семестре. Джакс, да?

Поверить не могу, но *Пакс* с глупым видом кивает.

– На психопатологию ты тоже пойдешь?

– Да, – выдыхает Пакс.

– Круто. Ну, увидимся там. – Дэвенпорт хлопает Пакса по плечу и поднимается по лестнице ко входу в здание.

Я многозначительно смотрю на своего друга, но он слишком увлеченно пялится на зад Дэвенпорта.

– Эй, Джакс, – дразню я. – Земля вызывает Джакса.

Ти-Джей хихикает. Пакс выходит из транса и смущенно на меня смотрит.

– Он, мать твою, вспомнил меня, Деми. Я не собирался поправлять его после того, как он меня *вспомнил*.

– Он вспомнил Джакса!

– Это я! Я Джакс. Хантер Дэвенпорт так сказал.

Я подавляю вздох и гляжу на Ти-Джея.

– Еще раз: почему мы с ним дружим?

– Понятия не имею, – отвечает он с ухмылкой. – Пошли, Джакс, проводим нашу даму в аудиторию.

Я вхожу в лекционный зал под ручку с двумя парнями. Большинство моих друзей – мужского пола, и моему молодому человеку пришлось смириться с этим. В старшей шко-

ле он был от этого не в восторге, но желание все контролировать никогда не было ему присуще, и, по-моему, ему нравится, как хорошо я лажу с его друзьями.

Поймите меня правильно. Подруги у меня тоже есть – мои коллеги по сестринству, Пиппа и Коринн, с которыми я сегодня встречаюсь за ужином. Но по какой-то причине парней среди моих друзей больше, чем девушек.

В пустынном зале мы занимаем три места посередине. Я замечаю Хантера Дэвенпорта, сидящего у прохода в следующем ряду перед нами и склонившегося над телефоном.

– Божечки, он совершенство, – стонет Пакс. – Вы даже не представляете, как часто я о нем мечтал.

Я мягко хлопаю друга по руке.

– Все получится, я в тебя верю.

Зал заполняется, но разговоры стихают, когда ровно в девять появляется профессор. Это высокая, стройная женщина с короткими волосами и пронизательными карими глазами за очками с черной оправой и квадратными стеклами. Она тепло нас приветствует, представляется, рассказывает о себе и о том, что мы будем изучать в этом году.

Я взволнована. Мой отец – хирург, а мать работала медсестрой в педиатрии, поэтому то, что и я свяжу свою жизнь с медициной, было неизбежно. Наверно, это заложено в моей ДНК. Но хирургия и сестринское дело никогда меня не интересовали. С самого детства меня привлекал разум. Особенно меня восхищают расстройства личности, а именно пагубные

модели мышления и как они влияют на индивида при взаимодействии с окружающим миром.

Профессор Эндрюс рассказывает о более узкой теме, которую мы будем рассматривать первой.

– Мы увидим, как лечили людей с психопатологиями в прошлом и как менялись подходы к этому. Клинические исследования и диагнозы будут играть в наших занятиях большую роль. В преподавании я верю в практический подход, а это означает, что я не буду просто стоять тут и сыпать фактами о стрессовых и сексуальных расстройствах, перепадах настроения и тому подобном.

Я подаюсь вперед. Я уже в восторге. Мне нравятся ее серьезный тон и то, как она обводит взглядом весь зал и старается смотреть каждому в глаза. У меня было много занятий, когда профессор читал с ноутбука монотонным голосом и не обращал никакого внимания на других людей в зале.

Она говорит, что мы должны будем готовить краткие изложения тематических исследований, о которых она будет рассказывать на занятиях, а также писать тесты.

– Даты всех тестов написаны в учебном плане, который отправлен вам на почту. Что касается крупного исследовательского проекта, то для него вам нужен партнер, с которым вы долгое время будете вместе работать и подготовите итоговый доклад и углубленное тематическое исследование до каникул. Перейдем к веселой части...

Я замечаю, как в зале некоторые обмениваются беспокой-

ными взглядами. Видимо, фраза «веселая часть» из уст профессора никогда не предвещает ничего хорошего. Но мне все равно. Все, о чем она до сих пор говорила, звучит очень интересно.

– Знаете эту старую детскую игру в доктора? – Профессор Эндрюс ухмыляется. – В этом вся суть исследовательского проекта. Один партнер будет играть роль психолога, а другой будет пациентом. Первому предоставят диагностические средства, чтобы можно было составить мнение и подготовить подробное тематическое исследование. Второму будет назначено некое психологическое расстройство, которое он должен будет изучить и, за неимением лучшего слова, разыграть перед врачом.

– Класс, – говорит Пакс мне. – Пожалуйста, *пожалуйста*, можно я буду пациентом?

– Почему ты думаешь, что твоим партнером будет Деми? – возражает Ти-Джей.

– Мальчики, меня хватит на всех.

Но у Эндрюс свои планы.

– Я разобью вас на пары на основе этого списка, где вы указаны в алфавитном порядке. – Она берет листы бумаги. – Когда услышите свое имя, поднимите руку, чтобы вы знали, с кем будете работать. Хорошо, начнем: Эймс и Ардин.

Поднимаются две руки: девушка с ярко-фиолетовыми волосами и девушка в кепке «Пэтриотс»³.

³ Американский футбольный клуб.

– Аксельрод и Бэйли.

В зале сотня людей, но Эндрюс не тормозит: она очень быстро проходится по именам, и вот мы уже на букве Д.

– Дэвенпорт и Дэвис.

Я поднимаю руку одновременно с Хантером. Он с полуулыбкой переводит взгляд на меня.

Ти-Джей рядом со мной несчастно вздыхает. Наклонившись, он шепчет:

– Хочешь, я законно изменю свою фамилию на Дэвидсон, чтобы спасти тебя от этого хоккейного мудака?

Я ухмыляюсь ему.

– Все нормально. Я выживу.

– Грей и Гатри, – говорит Эндрюс.

– Ты уверена? – не отстает Ти-Джей. – Я уверен, что можно менять партнера, если поговорить.

– Киллингтон и Лэдд.

– Малыш, все в порядке. Я даже его не знаю, – говорю я. – Это тебе он не нравится.

– Я от него без ума, – жалуется Пакс. – Это я хочу играть с ним в доктора.

Но затем Эндрюс называет:

– Лоусон и Линг.

И Пакс оживает, когда его партнер поднимает руку. Это парень с волнистыми каштановыми волосами и убойной челюстью.

– Он подойдет, – бормочет Пакс, и я подавляю смешок.

– В этих пакетах, – говорит Эндрюс, показывая на стопки оранжевых манильских конвертов на своем столе, – лежат подробные инструкции по заданию. Один человек из пары должен будет взять их после лекции. Каждая команда сама решает, кто какую роль будет играть.

Хантер поворачивается и пистолетом наставляет на меня палец, видимо, показывая, что за конверт отвечаю я.

Я закатываю глаза. Смотри-ка, он уже заставляет меня делать всю работу.

Как только все получили своих партнеров, Эндрюс возвращается к лекции, и я записываю столько, что у меня начинает болеть запястье. Блин, в следующий раз надо будет взять ноутбук. Обычно я предпочитаю писать от руки, но Эндрюс дает слишком много информации за слишком короткое время.

Лекция заканчивается, и я направляюсь вперед, чтобы взять конверт. В нем что-то тяжелое. Кого-то это могло бы насторожить, но мне не терпится начать заниматься этим проектом. Похоже, он будет интересным и всесторонним, даже если мой партнер – качок, который как раз направляется ко мне, повесив рюкзак на широкое плечо.

– Дэвис, – здоровается он.

– Дэвенпорт.

– Зови меня Хантер. – Он оглядывает меня сверху вниз, задержав взгляд на моих голых ногах, все еще красивых и загорелых после лета в Майами.

– Я Деми. – Я замечаю, что Ти-Джей и Пакс ждут меня у выхода.

– Деми... – говорит он отстраненно. Он все еще смотрит на мои ноги и сглатывает, прежде чем снова посмотреть мне в глаза.

– Да, так меня зовут.

Почему он так сдвинул ноги? Я, сузив глаза, смотрю на его пах. У него что, эрекция?

– Деми, – повторяет он.

– Ага. Рифмуется со словом «семя». – Я демонстративно смотрю на его пах.

Хантер смотрит вниз. И издает смешок.

– Черт побери. У меня нет стояка. Просто штаны такие.

– Конечно...

Он накрывает молнию на брюках ладонью, и деним вроде как выравнивается.

– Новые джинсы, – ворчит он. – Все еще немного жесткие.

– Жесткие, говоришь?

– Это ткань. Видишь? Потрогай.

У меня вырывается смех.

– Господи, я не буду трогать твой член.

– Многое теряешь, – ухмыляется Хантер.

– Как скажешь, приятель. – Я поднимаю конверт. – Так когда мы встретимся и все обсудим?

– Не знаю. Сегодня свободна?

Я качаю головой.

– Нет, дела. Может, завтра вечером?

– Давай. Когда и где?

– В восемь в особняке Теты Беты Ну?

– Да ладно? Я не думал, что ты в сестринстве.

Я пожимаю плечами.

– И все же я в нем.

Сказать по правде, я вступила туда только потому, что не хотела жить в общежитии. К тому же моя мама состояла в отделении Теты в колледже, и я все свое детство слышала, что дни в сестринстве были лучшими в ее жизни. Тогда она была душой компании и до сих пор остается такой.

– Тогда ладно. Увидимся завтра вечером, Семя, – протягивает он и уходит.

3

Хантер

– Ох. Как же я скучаю по этим сиськам.

– Они тоже по тебе скучают...

– М-м-м, да? По чему они скучают больше всего?

– По твоему языку, определенно.

– М-м-м. Дай мне на них посмотреть, красотка. Одним глазком.

– А вдруг зайдет кто-то из твоей команды?

– Тогда они будут завидовать мне до конца всех времен, потому что я встречаюсь с самой сексуальной женщиной в мире.

– Ну ладно. Но только если ты мне покажешь свой член.

– Договорились. Ты первая... мать твою, детка... стой, наверно, лучше убери своих девочек: вдруг Хантер зайдет? Ты сказала, что он дома.

– О, это не проблема. Хантер стал монахом. Мои голые сиськи ничего для него не значат.

Сидя на кухне, я наконец издаю рык, застрявший в горле. Я думал, что спущусь вниз, чтобы взять что-то на ужин перед встречей с Деми Дэвис. А вместо этого я провел послед-

ние пять минут, подслушивая один из самых тошнотворных разговоров по скайпу в мире.

– Да, я монах! – кричу я в дверном проеме. – А не хренов евнух!

Я захожу в гостиную, не давая Бренне времени, чтобы прикрыться: она этого не заслуживает. В качестве награды за то, что я выдержал секс Бренны и Джейка Коннелли по видео, я должен увидеть сиськи вживую, а не в порно.

Но Бренна уже натягивает на грудь рубашку, поэтому все, что я получаю, – это дразнящий проблеск красно-коричневых сосков, который тут же исчезает.

– Двигайся, дьявольская ты женщина. – Я кидаю задницу на диван рядом с ней и засовываю в рот вилку, полную дикого риса. Я бросаю взгляд на ноутбук на кофейном столике.

– Здорово, Коннелли. Классный член.

Парень на экране компьютера выругивается. Он резко опускает взгляд на правую ладонь, словно до него только сейчас дошло, что он сжимает достаточно впечатляющую эрекцию. Движение, звук застегивающейся молнии – и Джейк Коннелли напряженно смотрит на меня зелеными глазами.

– Шпионишь за нами, Дэвенпорт?

Я проглатываю еду.

– Вообще-то это ты голый скайпишь в моей чертовой гостиной.

– *Нашей* гостиной, – нежно говорит Бренна, мягко хлопая меня по плечу.

Как будто это можно забыть. Другие парни были бы в восторге от совместной жизни с этими тремя телками, но для меня это далеко от идеала. Мне нравятся Бренна, Саммер и Рупи по отдельности, но соедините их вместе, и весь мир становится... громким. Не говоря уже о том, что они постоянно ополчаются все вместе против меня. Мои бывшие соседи, Майк Холлис и Колин Фитцджеральд, технически тоже все еще живут здесь, но бывают тут далеко не так часто, как мне бы хотелось.

Холлис появляется только по выходным: по будням он из-за работы живет со своими друзьями в Нью-Гэмпшире.

Фитц – дизайнер видеоигр и постоянно берет новую работу с тех пор, как окончил Брайар. Иногда это означает поездки в штаб-квартиры студий видеоигр. Сейчас он в Нью-Йорке работает над ролевой научно-фантастической игрой и на это время поселился в пентхаусе семьи Саммер на Манхэттене. Везет ему. Род Хейворд Ди Лаурентис богат до неприличия, поэтому сейчас он наслаждается жизнью среди роскоши.

– Коннелли, двигай уже. Машина ждет нас внизу, – вырывается из динамиков ноутбука другой голос. – У нас сегодня благотворительная фотосессия.

Джейк оглядывается через плечо.

– Вот блин, я совсем забыл.

– Чем ты занимаешься... О, привет, Бренна! – На экране появляется огромное лицо, приближенное настолько, что я

вижу волосы в ноздрях парня.

Когда он отстраняется, я на мгновение превращаюсь в сумасшедшего фаната, потому что, черт возьми, это Тео Нильссон, один из звездных игроков Эдмонтона. Поверить не могу, что Нильссон только что просто вошел в гостиничный номер Джейка. Я чувствую укол зависти оттого, что Джейк где-то там играет в хоккей с настоящими легендами.

В детстве я тоже мечтал играть профессионально, но с возрастом понял, что для меня это не лучшая дорожка. Такой образ жизни пугает меня, если быть честным. Поэтому я не стал выставлять свою кандидатуру на драфте⁴. Блин, я даже не собирался играть в колледже. Я пришел в Брайар с целью получить степень в сфере бизнеса и стать предпринимателем. Но друг и товарищ по команде, который закончил универ пару лет назад, вернул меня из самовольной отставки.

– Мне надо идти, малышка, – говорит Джейк Бренне.

– Повеселитесь на фотосессии со всеми этими озабоченными фанатками, – щебечет она.

Нильссон лающе смеется.

– Это благотворительное событие для организации по керлингу среди пожилых, – говорит товарищ Джейка по команде.

Она непреклонна.

⁴ Ежегодное мероприятие, на котором права на молодых хоккеистов передаются профессиональным хоккейным клубам.

– Ты вообще *видел* Джейка? – спрашивает она Тео. – Эти старушенции облепят его с ног до головы. Для хоккейных фанаток нет возрастных ограничений.

Когда Бренна отключается, я засовываю в рот кусок цыпленка гриль.

– Поверить не могу, что это был Тео Нильссон, – говорю я, прежде чем опять начать жевать.

– Да, он прикольный. Мы ужинали с ним на прошлой неделе, когда они играли с Брюинсом.

– Не сыпь мне соль на рану.

Губы Бренны, покрытые неизменным красным цветом, изгибаются в слащавой улыбке. Даже когда она одна дома, она все равно не жалеет времени, чтобы намазать эту вызывающую помаду. Она дьявол.

– Если будешь хорошим мальчиком, то мы позовем тебя в следующий раз.

– Я всегда хороший мальчик, – возражаю я. – Спроси мой член: бедный парень хочет быть плохим, а я ему не разрешаю.

Она смеется.

– Мне кажется, эта сдерживаемая похоть плохо сказывается на твоём здоровье. Вдруг твои яйца взорвутся, и ты умрешь?

Я задумываюсь.

– Наверно, это будет похоже на тысячу оргазмов в одном взрыве, а кто после такого захочет жить? Мне кажется, после

того, как ты испытал взрыв в тысячу оргазмов, дальше путь только вниз.

– Это хорошая мысль. – Темные глаза Бренны следят за мной, когда я встаю и направляюсь на кухню, чтобы сполоснуть тарелку.

– Мне надо идти, – говорю я ей, опять заглядывая в гостиную. – Увидимся.

– Куда ты пошел?

– В особняк Теты, это по учебе.

– Ха! Вот тебе и обет целибата.

– Не-а. Этот обет остается нетронутым. Я буду работать с одной телкой над проектом.

– Над проектом, – дразнит она.

– Да, проектом. Мир не крутится вокруг секса, Би.

– Конечно, крутится. – Она похотливо облизывает губы, и во рту у меня пробегают мурашки. Как и по пенису.

Она права. Секс во всем и везде. Девушка просто облизывает губы, а мой мозг уже затягивает в пучину секса.

Пока что я нашел только один способ контролировать свое либидо – марихуана. И даже *это* я не могу достаточно часто, не считая случайных затяжек на вечеринках. Трава расслабляет меня и сдерживает мои половые импульсы, но в то же время от нее я устаю и замедляюсь во время тренировок. И я уж точно не хочу ставить под угрозу результаты анализов на наркотики в НАСС⁵. Так что, как и секса, этого

⁵ Национальная ассоциация студенческого спорта.

мне тоже лучше избегать. Прекрасная у меня жизнь.

– В любом случае потом я встречаюсь с парнями в «У Ма-лоуна», чтобы поиграть в бильярд. Поэтому ложись без меня.

– И даже меня не пригласишь? – Она шутливо надует губы.

– Не-а, – отвечаю я, не чувствуя ни капли вины. Я живу в зоне с повышенным содержанием эстрогена, поэтому иногда вынужден сбегать от него, хотя бы на один вечер. – Никаких девушек. В этом доме и так их хватает.

– Тебе же самому это нравится. Рупи каждый день готовит тебе обед, Саммер – завтрак, а я постоянно хожу в нижнем белье. Еда и то, на что потом можно подрочить, Дэвенпорт. У тебя мечта, а не жизнь.

– Если бы это была мечта, я бы трахал вас всех каждую ночь. Одновременно.

– Ха! Мечтать не вредно. Иди развлекайся со своим, – Бренна рисует в воздухе кавычки, – проектом.

Я показываю ей средний палец и ухожу. Через пятнадцать минут я уже снова в кампусе паркую свой Лендровер на аллее, где находится Грик Роу⁶. Сейчас вечер вторника, и везде на удивление тихо. Обычно на Грик Роу всегда проходит что-то типа вечеринки, но сейчас я слышу только тихую музыку из нескольких особняков братства.

Я иду по тропе между рядами цветов, ведущими ко вхо-

⁶ Сектор университетского кампуса, где находятся особняки студенческих сообществ.

ду в особняк Теты. Почти все окна трехэтажного викторианского здания освещены. Я звоню в дверь, и мне открывает высокая худощавая девушка в спортивных штанах. Она изгибает бровь.

– Чем я могу помочь?

– Я пришел к Деми. – Я приподнимаю плечо, на котором висит рюкзак. – Это по учебе.

Девушка пожимает плечами, поворачивает голову и кричит:

– Деми! Тебя!

Я вхожу в дом, который претерпел сильные изменения с тех пор, как я был тут на выходных. Все чисто, прибрано и пахнет лимоном, и нигде не видно полуголых телочек, пьяных чуваков или пивных луж на паркете. Я слышу эхо от шагов по деревянным ступеням и вижу, как по лестнице спускается та самая девушка с занятия по психологии с чупа-чупсом во рту. Конечно же, я сосредотачиваюсь на ее губах, которые покрыты блеском и красным цветом от леденца. Ее темные волосы собраны в высокий хвост, и она одета в пижамные штаны и тонкую белую майку поверх черного спортивного бюстгалтера.

Она выглядит охренеть как мило, и я с трудом отвожу взгляд от ее тела.

– Привет, – говорит она и оценивающе на меня смотрит.

– Мел, кто звонил в дверь? – кричит кто-то.

Начинается болтовня, и полдюжины девушек вывалива-

ются из кухни в прихожую, резко остановившись при виде меня. Одна из них открыто раздевает меня глазами, в то время как другие чуть более скрытны.

– Хантер Дэвенпорт, – тянет эта девушка. – Боже, вблизи ты выглядишь еще лучше.

Обычно я не смущаюсь в присутствии женщин, но то, что все они стоят там и оценивают меня, охренеть как сбивает с толку.

– Может, ты дашь мне свой номер? – бормочу я Деми.

– Зачем это?

– Чтобы в следующий раз я мог тебе написать, когда приеду сюда, и ты могла тихо увести меня в комнату без всего... этого. – Я показываю на наших зрителей.

– Что такое? Горстка девушек пугает тебя? – Закатив глаза, Деми ведет меня к лестнице.

– Не-а. – Я подмигиваю. – Я за тебя переживаю.

– За меня?

– Ну да. Если я буду продолжать приходить к тебе, в сестринстве все начнут безумно завидовать и плохо к тебе относиться, и в итоге ты потеряешь всех друзей. Ты этого хочешь, Семя?

Она смеется.

– О нет! Ты прав. Теперь ты должен будешь влезать ко мне через окно. Как Ромео. – Она сдвигает чупа-чупс языком к другому углу рта. – Спойлер: Ромео умирает.

Она проводит меня в комнату на втором этаже и закры-

вает дверь.

Я осматриваю спальню. Стены в ней желтые, а кровать – с четырьмя столбиками, на которых должен развеяться балдахин, но его нет. Покрывало на постели фиолетовое, и на одной подушке лежит плюшевая панда.

Стол Деми ломится от учебников по химии, биологии и математике – название последнего я не могу даже прочитать. Я поднимаю брови. Если все это она будет изучать в одном семестре, то это очень большая нагрузка, и я ей совсем не завидую.

Но еще больше меня интересует пробковая доска над столом. Она практически вся покрыта фотографиями, и я подхожу ближе, чтобы их рассмотреть. Хм-м, на них просто куча парней. Есть и парочка девушек, но, похоже, круг общения Деми в основном состоит из лиц мужского пола. На нескольких фотографиях Деми запечатлена с одним и тем же черно-волосым парнем. Они встречаются?

– Итак, как мы будем все делать? – спрашиваю я, опуская рюкзак на стул.

– Ну, Эндрюс сказала, что мы должны относиться к этим встречам как к настоящим сеансам психотерапии.

– Ясно. – Я дергаю бровями. – Готова поиграть в доктора?

– Фу. Я не буду с тобой ни во что играть, хоккейный мальчик.

– Правильно «хоккеист», если позволишь.

– Хорошо, хоккеист. – Деми лезет в свою сумку и вытас-

кивает конверт, который мы получили вчера на занятии. Она садится на край кровати и кладет его на колени.

– В общем, я решила, что ты будешь пациентом, а я врачом. То есть тебе будет легче делать письменную часть.

Я нахмуриваюсь.

– Почему ты думаешь, что мне нужно что-то полегче?

– Ой, прости, я не хотела ставить под сомнение твои умственные способности, – говорит она вполне искренне. – Просто мне сказали, что ты учишься на бизнесе.

– И?

– А я учусь на психологии, и мне кажется, что написание тематического исследования и работа по диагностике принесет мне больше пользы, чем тебе, потому что я хочу работать в этой сфере. Но если ты совсем не хочешь заниматься изучением диагноза, мы можем бросить жребий.

Я задумываюсь. В чем-то она права. И я не против взять на себя часть, касающуюся изучения.

– Хорошо, неважно. Я буду пациентом.

– Супер. Договорились.

– Видишь, как хорошо мы сработались? – Я перевожу взгляд на маленькую козетку у окна. – Мило, это как настоящий кабинет психотерапевта. – Я подхожу к диванчику и укладываю на него свое слишком большое тело, свесив ноги с подлокотника. Затем я берусь за бегунок молнии на джинсах. – Штаны надо снимать?

Деми

Я взрываюсь смехом.

– Умоляю, ради всех святых, *не снимай* штаны.

– Ты уверена? – спрашивает Хантер, все еще держа пальцы на ширинке.

– Абсолютно.

– Многое теряешь. – Он подмигивает и сцепляет руки за головой.

С Дэвенпортом весело, этого не отнять. Но он слишком привлекательный, и это проблема. Девочки оставили на полу лужи слюны, когда он прошел мимо них. Многие из них без ума от качков, поэтому, скорее всего, как только Хантер уйдет, они ворвутся в мою комнату, умоляя рассказать подробности.

Он потягивается на моем диванчике и сбрасывает ботинки. На нем джинсы с дырками на коленях, черная футболка и расстегнутая серая толстовка. У него отличное тело – мускулистое, но не громоздкое, – а к нему прилагается сногшибательное лицо. И когда он самодовольно мне ухмыляется, я с ужасом чувствую, как теплеют щеки. Смотреть на его улыбку

ку опасно. Неудивительно, что Пакс помешан на этом парне.

Я открываю большой конверт и вытаскиваю скрепленную пачку бумаг с инструкциями и еще два конверта. На одном из них написано «ВРАЧ», на другом – «ПАЦИЕНТ».

– Держи. – Я бросаю второй конверт в сторону дивана, и Хантер без труда его ловит.

Я вытаскиваю из своего конверта бумаги и просматриваю их. Это чистые бланки, которые надо будет использовать для записей во время «сеансов». Я смотрю инструкции. Нам нужно будет провести не менее восьми сеансов, но проводить больше не возбраняется. Мои записи с сеансов, по всей видимости, будут включены в приложение к исследованию, которое мне надо будет написать. В конверте также лежат диагностические средства и информационные листовки.

Хантер на диване тихо хмыкает. Он тоже просматривает бумаги. Его пачка меньше моей, наверное, потому, что его основная задача – изучить материал.

– Нам надо было распределить роли еще на занятии, – осознаю я. – Вряд ли мы сможем провести полноценный сеанс до того, как ты изучишь свой «диагноз».

Но Хантер просто пожимает плечами. В его голосе появляется мрачноватая интонация, когда он опять смотрит в бумаги.

– Все нормально. На первую беседу моих знаний хватит.

– Ты уверен?

– Да. – Он засовывает бумаги обратно в конверт и кладет

его в рюкзак. Потом он снова укладывается поудобнее. – Ну ладно, начинаем.

Согласно инструкциям Эндрюс мне нельзя записывать сеансы на диктофон. Но я не сомневаюсь в своей способности делать заметки. Я разжевываю остатки чупа-чупса, проглатываю его и бросаю палочку в мусорное ведро.

Удобно расположившись, мы начинаем с формальностей.

– Итак, мистер?.. – Я жду, когда он представится.

– Секси.

– Нет. Ты можешь лучше.

– Большой, – предлагает он.

Я вздыхаю.

– Смит, – твердо говорю я. – Ты мистер Смит. Имя – эм, Дэмиен.

– Как тот дьявольский мальчик из фильма ужасов⁷? Ну уж нет. Это плохая карма.

– Да ты сам плохая карма, – бормочу я. На то, чтобы просто записать его имя, понадобилась целая вечность. Такими темпами мы никогда не закончим проект. – Хорошо, твое имя – Ричард, придирчивый ублюдок.

Он фыркает.

– Приятно познакомиться, Дик Смит, – ласково говорю я. – Я доктор Дэвис. Что привело вас сюда сегодня?

Я почти ожидаю еще одну бредовую реплику, что-нибудь о том, что Дик означает «член» и его надо пососать. Но он

⁷ Имеется в виду Дэмиен Торн из серии фильмов «Омен».

меня удивляет.

– Моя жена считает, что мне нужен психотерапевт.

У меня взлетают брови. О, мы сразу перешли к делу. Круто.

– Правда? Почему она так считает?

– Честно? Сам не знаю. Это *ей* нужен психотерапевт. Она постоянно сходит с ума из-за мелочей.

Я обдумываю формулировку.

– Что вы имеете в виду под «сходит с ума»?

– Она слишком много все анализирует. Постоянно ноет. Например, если я прихожу поздно с работы, она сразу же начинает думать: «Он ходит налево». – Хантер раздраженно замолкает. – Наверное, для полноты картины я должен признаться, что изменял ей один или два раза, и да, она знает об этом.

Ого, это как мыльная опера. Мне уже интересно.

– Хорошо, вот эта измена... – Я делаю еще несколько записей. – Когда она произошла? И это было один раз или два раза?

– Первый раз был много лет назад, последний – в этом году. Я испытывал серьезный стресс из-за работы.

Я замечаю, что он проигнорировал мой вопрос о том, сколько всего раз он изменил жене.

– Как вы думаете, почему вы изменяли? Есть какая-то главная причина?

– Сложно чувствовать себя связанным с кем-то, когда этот

«кто-то» постоянно жалуется и что-то требует. Она, мать твою, заставила меня изменить ей. В смысле, чего еще она ожидала от такого поведения?

Ох, какой козел. Он считает, что *жена* виновата в *его* изменах...

Я обрываю мысль, напоминая себе, что я не должна судить. Я должна понимать.

Если я стану клиническим психологом, обязательно буду слышать тысячи отвратительных историй о неверности. Возможно, мне даже придется консультировать того, кто физически или эмоционально издевается над своим партнером. Вполне вероятно, что я буду сталкиваться с пациентами, которых буду презирать или которым не смогу помочь.

Моя работа – не осуждать их, а в меру своих возможностей помочь им прийти к самопознанию.

– Когда вы признались в своих изменах, то решили с вашей женой начать все заново? С чистого листа?

Хантер кивает.

– Она признала, что частично виновата в том, что случилось, и согласилась меня простить. Это означает, что все теперь в прошлом, мы покончили с этим. То, что она все время меня в чем-то подозревает, не прибавляет во мне желания проводить с ней время. Поверьте мне, быть рядом с ней нелегко из-за нее самой.

– Представляю. Но вы можете предположить, почему она так себя ведет? Давайте попытаемся поставить себя на ее ме-

сто. Какой, по вашему мнению, была бы ваша реакция, если бы оказалось, что ваша жена вам не верна?

– Она никогда бы не стала мне изменять, – говорит он самодовольно. – Лучшая часть нашего союза – это я. А вот она как-то недотягивает.

«Ты хренов ублюдок», – хочу сказать я.

– Понятно, – говорю я вместо этого. И теперь до меня доходит, почему психотерапевты часто повторяют эти слова. Это замена ругательствам, звенящим в их голове.

Мы с Хантером беседуем еще двадцать минут о его псевдожене, ее нытье и его неверности, и я начинаю замечать тенденцию в его ответах – полную неспособность поставить себя на ее место.

«Отсутствие сострадания», – пишу я и рисую рядом маленькую звездочку.

Когда он заканчивает очередной растянутый анекдот,ставляющий жену злодеем, а его – невинной жертвой, я не могу не быть впечатленной тем, насколько сильно он посвятил себя заданию. И он так хорошо это делает, что... ох, это даже сексуально, если быть честной.

Я готова задать следующий вопрос, когда Хантер садится прямо.

– Давай закончим. Я официально использовал все свои знания о... моем состоянии, – расплывчато говорит он. – Нужно почитать побольше, прежде чем мы продолжим.

– Это было интересно, – признаю я. – Как думаешь?

– Да, согласен. – Он встает с козетки и поднимает мускулистые руки над головой, чтобы потянуться. Его футболка приподнимается, показывая стальной пресс.

У меня отвисает челюсть.

– О боже. Так нечестно.

– Что? – Хантер нахмуливает темные брови.

– Ты видел свой пресс? У кого, мать твою, вообще такой пресс бывает?

Его замешательство сменяется самодовольной улыбкой.

– Я играю в хоккей. Каждый мой сантиметр так выглядит.

И опять мои щеки немного теплеют. Я усердно стараюсь не представлять, как выглядит остальное его тело под одеждой, но у меня такое ощущение, что он не преувеличивает. Его фигура – это какое-то безумие.

Я замечаю, что зажегся экран моего телефона, лежащего на тумбочке, и подхожу, чтобы его проверить. Он был на беззвучном режиме, и за последний час Нико дважды написал мне: одно сообщение – тридцать минут назад, а другое – только что.

НИКО: Привет, детка, я сегодня не смогу прийти к тебе на ночь. Машина заглохла после работы. Видимо, аккумулятор. Отбуксирую ее в ремонт в Гастингсе и заберу утром перед занятиями.

НИКО: Ты злишься?

Я коротко отвечаю:

Я: Не злюсь, малыш. Но расстроена.

– Все нормально? – спрашивает Хантер, застегивая толстовку.

Я пожимаю плечами.

– Мой парень не приедет ко мне. Он должен был остаться на ночь сегодня, но у машины сел аккумулятор. Наверное, ему нужен новый или еще что-то.

– Облом. Я бы пригласил тебя поиграть в бильярд со мной и парнями сегодня, но мне надо отдохнуть от телок.

– Да, наверно, все это женское внимание может быть невыносимым. – Я вспоминаю вчерашнюю миленькую девушку, которая постаралась и приготовила ему обед, а он отверг ее помощь. – Пошли, я провожу тебя.

Но еще до того, как я дохожу до двери, звонит Нико.

– Ой, мне надо ответить, – говорю я, когда мы выходим из спальни.

У меня нет выбора, потому что всегда, когда я не отвечаю на звонок или сообщение от Нико, он имеет склонность не отвечать тоже, даже если я пишу или звоню ему полсекунды спустя. Я не понимаю этого. Так делает слишком много людей. Как можно быть недоступным спустя пять секунд после своего же звонка или сообщения? Как будто они пишут тебе и сразу бросают телефон в реку, честное слово.

– Привет, – быстро говорю я. – Что случилось?

– Просто хотел с тобой поговорить, – отвечает Нико. – Я скоро пойду в душ и, наверно, рано лягу спать.

– Почему?.. А. Точно, тебе надо забрать машину.

– Забрать?

– Потому что ты отбуксировал ее в ремонт?.. – напоминаю я ему. Краем глаза я замечаю, как Хантер с любопытством слушает. Я заставляю его спускаться по лестнице быстрее.

– А, нет, вообще-то мне помог Стив. У него в машине были провода.

– Стой, то есть у тебя завелась машина?

«Тогда почему ты не можешь приехать?» – хочу спросить я, но сдерживаюсь.

– Ага. Но я не хочу сегодня на ней ездить, вдруг аккумулятор опять сядет, – говорит Нико, словно читая мои мысли. – Я утром хочу отвезти ее на осмотр. Но завтра вечером мы с тобой увидимся, да?

– Конечно.

– Люблю тебя, *мами*.

– Тоже тебя люблю.

Я хмурюсь, когда мы с Хантером доходим до входной двери.

– Твой парень? – нарушает тишину он.

Я медленно киваю.

– По всей видимости, он завел машину с помощью проводов, но аккумулятор все равно сломан? Что-то я не поняла. Я не очень разбираюсь в машинах.

– Звучит немного подозрительно, – замечает Хантер. – Использовать старое доброе оправдание про сломанную машину, чтобы не видеться с кем-то.

– Правда? – допытываюсь я. – Ты часто врешь про сломанную машину, чтобы не идти на свидание?

– Часто? Нет. Делал ли я это? Да.

Я смотрю на него.

– Ну, не все такие лжецы, как ты.

Он не обижается. Просто улыбается.

– Господи. Я не хотел задевать тебя за живое.

– Ты и не задел.

– Ага. В общем, меня ждут парни. Пока, Семя.

Я чуть не выталкиваю его за дверь. Может быть, если я достаточно быстро от него избавлюсь, посаженное им зерно сомнения не прорастет.

Хантер

На четверговую встречу команды я приехал первый. Раньше я никогда не прибывал рано на такие события, но так как теперь я капитан, то стараюсь подавать пример, так что теперь сижу в комнате один.

В Брайаре хоккей ценится больше всего, поэтому у нас миленькое аудио- и видеооборудование. В большой аудитории расположены три ряда столов с огромными мягкими креслами и массивный экран, чтобы можно было смотреть запись игры. Видео с командой Иствудского колледжа мы изучали всю неделю. Завтра в первой официальной игре сезона мы сразимся с ними.

Я не слишком беспокоюсь. Состав команды Иствуда в этом году не особенно сильный – в отличие от нашей. Даже учитывая, что Фитци, Холлиса и Нейта Роудса нет, в команде остается много хороших игроков: я, Мэтти, отличный вратарь, и несколько крутейших игроков из старшей школы, которых тренер Дженсен завербовал сюда на первый курс.

После того как команда выбрала меня преемником Нейта, нашего бывшего капитана, я позвонил ему и попросил сове-

та на тему того, как поддерживать моральный дух, как мотивировать парней, как, в общем-то, *руководить*, но он не особо смог мне что-то подсказать. Он сказал, что взаимоотношения в команде меняются каждый год с приливом и отливом игроков и что я научусь по ходу дела. Самое главное – проложить себе путь сквозь эго почти тридцати людей и следить, чтобы все были воодушевлены и сфокусированы на важнейшей задаче – победить.

К слову о приливе игроков – в этом сезоне много новых лиц. В конце августа мы проводили отборочные соревнования, чтобы оценить игроков, которые не были завербованы из старшей школы или которые решили попробовать просто интереса ради. Именно после тех соревнований к нам попал один из моих новых любимых товарищей по команде – Конор Эдвардс, который входит в аудиторию, когда я усаживаюсь в кресло в первом ряду.

Кон – самопровозглашенный ловелас, но он не такой придурок, каким вы его себе представляете. На самом деле, он достаточно приличный парень с суховатым чувством юмора, которое мне нравится.

– Здорбво, капитан, – говорит он и в полную силу зевает. Он лениво проводит рукой по выгоревшим на солнце светлым волосам, привлекая мое внимание к фиолетовому засосу у него на шее.

Он напоминает мне Дина, старшего брата моей соседки Саммер и моего хорошего друга (и бывшего наставника).

Дин в Брайаре был беззастенчивым воплощением секса. Ему было плевать, что все были в курсе, что он постоянно с кем-то спит. И его кобелиные замашки никак не влияли на его репутацию, потому что каждая телочка, которая его знала, хотела перед ним раздеться. Единственный человек, который смог завоевать его сердце, – это его девушка Элли. Последние несколько лет они вместе живут в Нью-Йорке.

Конор садится рядом со мной. Заходят несколько старшекурсников и устраиваются на верхнем ряду.

– Йоу, – приветствуют они нас кивком. Мы киваем в ответ.

Следующим входит Мэтт Андерсон. Теперь, когда Фитца и Холлиса нет, Мэтти, наверно, мой лучший друг в команде. Он единственный чернокожий игрок в нашем составе, и в прошлом году его позвали в Лос-Анджелес. Надеюсь, он согласится играть у них, потому что это отличная франшиза.

– Привет, – говорит Мэтт.

Аудитория начинает заполняться. У нас около двух дюжин новичков, а остальной состав – это запасники и те, кому еще нужно многому научиться. И хотя Майк Холлис уже выпустился, в каждой команде обязательно есть кто-то такой же, как он. Очаровательный идиот, как называет его Бренна. Такой чести в этом году удостоился второкурсник по имени Аарон, хотя все зовут его Баки, потому что он внешне похож на одноименного персонажа из фильмов Марвел.

Баки ненавидит свое прозвище, но на то оно и прозвище,

что пристает к человеку, хочет он того или нет. Просто спросите нашего левого нападающего, старшекурсника Трифейса, что означает «лицо дерева» и иногда сокращается другими до «Три» или «Ти»: однажды четыре года назад он напился и начал сетовать, как же якобы грустно, что у деревьев нет лиц и они не видят птиц, вьющих на их ветках гнезда. К этому прозвищу, по-моему, приложил руку Джон Логан.

Пожевывая маффин с отрубями, который он, видимо, стащил с кухни нашей команды, Баки подходит к переднему ряду.

– Ты поговорил с тренером? – спрашивает он, жуя с открытым ртом.

Я притворяюсь тупым.

– О чем?

– О свинье, чувак.

– Свинье, – повторяет Джесс Уилкс, мой однокурсник. Он переключил внимание с экрана телефона на наш разговор.

Мать твою. Я надеялся, что все об этом забудут.

– Нет еще.

«И я не собираюсь этого делать», – хочу добавить я, но еще не придумал, как мне можно слиться.

Парни настаивают, что нашей команде нужен талисман, хотя лично я вообще не вижу в этом смысла. Если бы мы как-то смогли натянуть коньки на белого медведя и заставить его делать двойные аксели на льду между периодами, тогда, конечно, просто супер. Начинайте.

Если коротко, кому на хрен это надо.

Появление тренера освобождает меня от шуток над командой. Он заходит и резко хлопает в ладони.

– Не будем тратить время! – рявкает он. – Глаза на экран.

Чад Дженсен очень бескомпромиссный: он не жует с нами соплю и не потекает нам. Когда мы на льду, мы должны выкладываться на полную или валить на хрен отсюда.

– Обратите внимание на Криску в первой игре, – требует тренер, когда проектор выводит на экран высококачественное видео. Он стоит у своего стола, обводя стилусом вратаря Иствуда, Йохана Криску.

Этот первокурсник, по слухам, один из лучших вратарей среди колледжей на восточном побережье. Я изучал несколько записей игр с его участием, а также все игры Иствуда до сезона. Мне нужно быть готовым, когда я столкнусь с этим парнишей. Не хочу звучать самоуверенно, но я лучший нападающий в команде. И у меня больше всех забитых шайб, если судить по статистике последнего сезона. Мы с Нейтом шли в этом наравне, но я часто помогал бывшему капитану. Наверно, это еще одно необходимое качество капитана – *не приписывать себе всю славу*.

Я потихоньку составляю список того, что капитаны должны делать, а что – нет.

Несмотря на звездную репутацию Криски, я не сильно из-за него беспокоюсь. Я уже нашел его слабость.

– Перчатками он работает не очень хорошо, – вставляю

я. – Парню плохо даются высокие броски. Наверное, процентов на тридцать хуже.

– Да, – подтверждает тренер. – Вот поэтому мы на этой неделе занимались бросками. Но я не сомневаюсь, что они готовятся так же усердно и Криска знает свои слабости. Завтра я хочу увидеть до хрена низких бросков. Он будет так сильно стараться компенсировать слабость в перчатках и поймать эти шайбы, что мы застанем его врасплох и закинем шайбу меж его ног.

– Отличная мысль.

Мы продолжаем смотреть запись. Кто-то свистит, когда Криска делает одну из самых красивых защит клюшкой, которую я только видел.

– Смотрите, – говорит тренер, останавливая видео. – На его лице ни капли отчаяния. Он возвращается обратно в позицию после того, как его полностью завалили бросками, и он спокоен как удав.

Это даже впечатляет. Вратари пользуются клюшками, чтобы поймать шайбу, только если нет другого выхода. Обычно в ход идут экипировка, перчатки, даже собственное тело. Успешная защита клюшкой – чаще всего чистое везение, когда вратарь изворачивается, как только может. Но у Криски это выглядит абсолютно непринужденно.

– Нам надо придумать, как напугать его, – заговаривает Мэтт.

Я согласно киваю. Хотя я чувствую себя уверенно. В про-

шлом сезоне мы рвали всех. Нас подвел не недостаток сноровки. Виновата была случайная травма, а также дисквалификация вступившегося за меня Нейта.

Еще одно правило из руководства капитана: *защищать своих подопечных.*

В этом году мы лишились нескольких хороших парней, которые закончили учебу, но приобрели мы гораздо больше. Ничто не может помешать нам пройти в «Замороженную Четверку», если только на нас не свалятся массовые травмы всей команды или мы сами не запорем под корень наши шансы.

Собрание заканчивается, когда тренер хлопает в ладони, показывая, что можно идти. Баки тут же поднимает руку и прочищает горло. Громко. Он поворачивается, чтобы многозначительно на меня посмотреть.

Блин.

Тренер поднимает голову от ноутбука.

– Что случилось?

– Капитан хочет кое-что сказать, – объявляет Баки.

Дженсен переводит пронизательные темные глаза на меня. Они поразительно похожи на глаза Бренны, не хватает только постоянного проблеска насмешки. Но, в конце концов, он ее отец, так что...

– Дэвенпорт? – не выдерживает он.

– Э... – Черт, черт, черт. Я выставлю себя полным кретинном. Но я заставляю себя встать и сказать: – Некоторые пар-

НИ ХОТЯТ СВИНЬЮ.

Брови тренера взлетают до небес. Его редко получается застать врасплох, но сейчас он выглядит ошарашенным.

– Что, мать твою?

Я подавляю вздох.

– Свинью.

– Поросеночка, – встречает Джесс Уилкс.

– Что, мать твою? – повторяет тренер.

– Дело вот в чем, – глупо начинаю я, – сестра Баки и ее муж только что купили у заводчика в Вермонте свинью. Не большую, а миниатюрную версию. И, по всей видимости, из них получаются отличные домашние животные. Они как собаки, только больше едят и срут.

– Что вообще сейчас происходит? – Тренер качает головой. – О чем вы вообще говорите?

Я пытаюсь объяснить еще раз:

– У некоторых команд есть талисманы, правильно? У Рэмсов из Колледжа Дэрби есть козел, который живет в клубном доме за ареной. Или у Койотов в Провиденсе – у них есть собака-полуволок, которая живет у всех по очереди.

– Табаско! – восклицает защитник-старшекурсник.

– Обожаю эту собаку, – счастливо говорит Три.

– Вы знали, что Табаско может трахаться по команде? – восторженным голосом спрашивает Баки.

– И что, мать твою, такого? – тянет Конор. – Я тоже так могу.

Звучит громкий хохот.

Тренер поднимает руку, призывая к тишине.

– Вы спрашиваете меня, можно ли завести животное, идиоты?

– В общем-то да. – Я умоляюще на него смотрю. – Меня, как нового капитана, попросили передать вам просьбу.

– Целый зал взрослых мужиков просит домашнее животное.

Я киваю.

– Это поддержит моральный дух, – настаивает Баки. – Подумайте, тренер. Мы могли бы выводить свинью перед игрой, чтобы завести толпу. Это создаст такой ажиотаж.

– Как может свинья завести толпу? Она споет национальный гимн? – вежливо спрашивает тренер.

– Да ладно, тренер, не валяйте дурака, – дразнит Кон. – Все знают, что свиньи не поют.

– Ты поддерживаешь, Эдвардс? – Тренер настроен скептически. – Ты за свинью?

Конор сверкает веселой улыбкой.

– Плевать я на это хотел.

– Мы *все* «за», – возражает Баки.

Тренер острым взглядом обводит аудиторию.

– Боже милостивый. Вы серьезно, тупицы? Вы искренне считаете, что вы, тридцать человек, не угробите свинью?

– Эй, – протестует Мэтт. – У меня дома две собаки.

– А где у тебя дом?

– В Миннеаполисе.

– А где ты живешь сейчас?

Мэтт замолкает.

– Вы учитесь полный день в колледже и постоянно тренируетесь – не говоря уже о вашей личной жизни, – и вы считаете, что можете позаботиться о живом существе? Полный бред, вот что я скажу.

Он сделал ровно то, чего делать не следовало. Кучке любящих посоревноваться хоккеистов говорят, что они что-то не могут? Теперь даже парни, которым было все равно на свинью, начали защищаться.

– Я могу позаботиться о домашнем животном, – возражает Джо Фостер, новое прибавление в составе нападающих.

– И я тоже.

– Аналогично.

– Да, ну же, дайте нам шанс.

Тренер напрягает и дергает челюсть, словно сдерживая тонну ругательств.

– Сейчас вернусь, – наконец говорит он и без объяснений выходит из аудитории.

– Елки-палки, вы думаете, что он принесет свинью?

Я поворачиваюсь к кретину, задавшему этот вопрос.

– Конечно же, нет, – шиплю я на Баки. – Где, мать твою, он ее возьмет? Найдет за кучей экипировки? – Я качаю головой. – Тебе *обязательно* надо было заставлять меня спрашивать его об этом, да? Теперь он думает, что мы сумасшед-

шие.

– Нет ничего сумасшедшего в том, чтобы хотеть любви свиньи.

Джесс улюлюкает.

– Парни, я знаю, что написать на могильном камне Баки.

– Иди на хрен, Уилкс.

Мои товарищи по команде все еще препираются друг с другом, когда возвращается тренер. Целенаправленными шагами он проходит в центр аудитории и поднимает яйцо, которое он, по всей видимости, взял с кухни.

– Что это? – удивленно спрашивает Баки.

Наш бесстрашный лидер усмехается.

– Это ваша свинья.

– Тренер, по-моему, это яйцо, – нерешительно говорит один из первокурсников.

В ответ он получает презрительный взгляд.

– Я знаю, что это яйцо, Питерс. Я не debil. Тем не менее до окончания сезона это яйцо будет вашей свиньей. Вы хотите, чтобы я предоставил вам командное животное, которое, кстати, потребует кучу бюрократической волокиты с университетом? Тогда докажите, что вы можете не убить хоть что-то живое. – Он машет яйцом в воздухе. – Оно сварено. Если оно треснет, то вы убьете свою драгоценную свиноматку. Верните его мне в целости и сохранности, и тогда мы поговорим о свиньях.

Тренер берет маркер со стола и пишет что-то на яйце.

– Что вы делаете? – с любопытством спрашивает Баки.

– Подписываю его. И поверьте мне, я пойму, если мою подпись подделают. Поэтому, если оно разобьется, даже не думайте о том, чтобы подменить его. Если ко мне вернется не это яйцо, то никакой свиньи. – Тренер кладет яйцо в ладонь Баки. – Поздравляю, теперь у вас есть командный талисман.

Баки ловит мой взгляд и триумфально поднимает большой палец вверх.

Если это и есть работа капитана команды, то я сомневаюсь, что хочу ее получить.

Хантер

В пятницу вечером мы вытираем Иствудский колледж об лед, и дело даже не в слабых перчатках Криски. Просто мы отжигаем, а они нет. Криска ловит шайбу за шайбой, но пять из них – ровно пять – попадают в цель. Хотелось бы мне сказать, что на моем счету больше одной, но боги хоккея решили распределить богатство между несколькими людьми. Первый гол был моим, но следующие четыре принадлежат другим товарищам по команде.

Я не знаю, что случилось с защитниками Иствуда, но они сегодня как будто вообще не пришли на игру. Криска совсем один у ворот отбрасывает шайбы так же, как Нео в «Матрице» уворачивается от пуль. Каждый раз, когда игрок Брайара прорывается к воротам, лицо вратаря за шлемом белеет как снег, потому что он знает, что ему кранты. Защитники Иствуда либо отчаянно пытаются за нами угнаться, либо кучкуются по углам, давая Брайару бесконечное преимущество.

Наши фанаты одобрительно кричат. Мы хозяева игры, поэтому огромные пространства на трибунах покрыты цветами нашего университета, черным и серебряным. Черт, как

же хорошо вернуться, снова дышать на льду этим бодрящим воздухом. Мурашки у меня на затылке только повышают уровень адреналина, струящегося по венам.

Я на скамье запасных. В третьем периоде осталось две минуты, но Иствуд уже точно не забудет за это время пять голов. Я оглядываюсь. Рядом сидит Кон. Мы с ним в этом году на одной линии вместе с Мэттом, и с силой нашей тройки приходится считаться. Наша линия доведет нас до самого финала.

– Боже, удар клюшкой был просто огонь, – хвалю я его.

У нас обоих сбито дыхание. Нашим последним выходом было пенальти, во время которого Конор нанес костедробительный удар нападающему Иствуда.

– Чувак, у меня до сих пор звенят уши от этого. – Его ухмылка напоминает челюсть волка из-за капы, наполовину болтающейся у него во рту.

– В прошлом сезоне нам тебя не хватало, – признаюсь я. – У нас было мало головорезов. – В то же время у нашего главного соперника, Гарварда, был головорез всех головорезов – Брукс Уэстон.

Но Конор в этом году только перевелся из колледжа на западном побережье. Он калифорнийский мальчик с прической серфера и расслабленным отношением ко всему. Хотя вся расслабленность исчезает, когда он припечатывает других игроков к бортам арены.

Время истекает, а тренер не отпускает нас со скамьи, да-

вая третьей и четвертой линиям насладиться игрой. Мы уже не рискуем проиграть, а дополнительное время на льду помогает им отработать свои навыки. Парням удастся удержать Иствуд, и наша первая игра заканчивается победой всухую.

Все в праздничном настроении, когда мы направляемся в раздевалку, чтобы принять душ и переодеться. Мы договорились пойти в «У Малоуна», бар в Гастингсе, где обычно все собираются после хоккея.

– Ты с нами? – спрашиваю я Баки.

– Да. Просто дай мне пару минут. Надо удостовериться, что Пабло получит ужин.

Я еле сдерживаю смех.

На верхней полке шкафчика Баки лежит талисман команды, укутанный в новый чехол кораллового цвета. С максимальной осторожностью Баки достает Пабло Яйцебара.

Джесс, прогуливающийся в полотенце, замечает в руке Баки яйцо.

– Какого черта, мужик? Ты не видишь, что Пабло голоден?

«Покорми меня», – раздаётся певучий голос с другого конца комнаты, принадлежащий Велки, нашему студенту из Швеции.

Спустя полтора дня после того, как у нас появился Пабло, события приняли опасный поворот. Некоторые парни решили побыть сволочами и поиздеваться над Баки, время от времени днем и ночью присылая ему сообщения от лица яйца. Обычно прописными буквами. Типа: ПОКОРМИ МЕНЯ!

ПОГЛАДЬ МЕНЯ! МНЕ НАДО ОТЛИТЬ!

Тем не менее для Баки это все как об стенку горох, и ему, как и моему другу Майку Холлису, все равно, кто что говорит или делает. Придурок решил, что надо составить график ухода, и обсудил это с тренером, и теперь мы все обязаны под страхом смерти относиться к Пабло как к настоящей свинье. Обосновали это тем, что если у нас на самом деле появится свинья, мы засунем ее в тумбочку и забудем о ней.

Баки – единственный, кто относится к этому серьезно. Остальным просто нравится издеваться друг над другом.

– Вот, Пабло, покушай, – говорит Баки яйцу.

Яйцо не отвечает, потому что это, блин, яйцо.

– Мне кажется, я вернулся обратно в детский сад, – замечает Мэтт. Он качает головой. – Я не буду пресмыкаться перед яйцом, чувак.

– О, как жаль, – самодовольно отвечает Баки, – ведь сегодня твоя очередь с ним сидеть.

– Не моя, а Конора, – возражает Мэтт.

– Твоя. Посмотри на график. – Баки сегодня утром сделал набросок, где указал, когда кто следит за яйцом. Моя очередь на следующей неделе.

– Это ни в какие гребаные ворота не лезет. – Мэтт выхватывает у Баки мягкий чехол с яйцом. – Клянусь богом, я сегодня сорвусь и сожру его на хрен.

Я посмеиваюсь, когда вместе с Мэттом и Баки выхожу из раздевалки. Конор и остальные уже ушли. Мы встречаемся

с ними в «У Малоуна», моем любимом месте в городе – в основном из-за просторных кабинок, дешевого пива и спортивных реликвий, развешанных по стенам, которые сейчас трясутся от гремящей на весь бар классической рок-песни.

Мэтт что-то говорит, но громкие разговоры и ревущая музыка заглушают его. Он переходит на язык жестов, кивает в сторону бара и делает движение рукой, как будто пьет, показывая, что идет заказать напитки.

Я быстро обвожу взглядом зал, но никого знакомого не замечаю. Пробираюсь сквозь толпу к дверному проему в виде арки и захожу в соседнюю комнату, где находятся столы для бильярда и еще несколько кабинок у стены. Тут замечаю светловолосую голову, а потом и темноволосую. Бетти и Вероника⁸ Брайарского университета.

– В средней кабинке сидят Бренна и Саммер. – Я повышаю голос, чтобы Баки услышал.

Он переводит взгляд карих глаз.

– Ма-а-ать твою. Она просто отпад.

– Кто? Бренна? Или Саммер?

– Ну, обе, но я говорил о Саммер. Ее топ... *ма-а-ать твою*, – опять говорит он.

Да, ее очень откровенный желтый топ без бретелей просто огонь, приходится мне признать, когда мы подходим к кабинке. Но я с удовлетворением отмечаю, что мое тело боль-

⁸ Главные героини популярных в конце XX в. – начале XXI в. в США комиксов «Бетти и Вероника».

ше не реагирует на Саммер Ди Лаурентис. Даже несмотря на воздержание, я не особо хотел бы с ней переспать.

У меня были чувства к Саммер, когда она только перевелась в Брайар, но, к сожалению, у нее самой были чувства к Фитцу. И хотя я до сих пор считаю, что мой друг не совсем правильно повел себя в той ситуации, но я сто процентов закончил с Саммер. Они с Фитцем счастливы вместе. А я, чем больше времени проводил с ней, живя с ней в одном доме, тем больше понимал, что она не в моем вкусе.

Она слишком легкодоступна (не в смысле «шлюха»). Просто она не бросает тебе вызов. Ее легко порадовать, легко разгадать. Изначально она понравилась мне из-за своей прозрачности, но не могу отрицать, что намного интереснее, когда в женщине чуть больше загадки.

Не то чтобы в ближайшее время я собираюсь разгадывать какие-то женские загадки. «Никакого секса» означает и меньшее взаимодействие с девушками, потому что я себя знаю. Чем больше я провожу с кем-то времени, тем больше я хочу этого человека трахнуть. Мои соседки – исключение. Как и Деми Дэвис. С моей новой однокурсницей интересно разговаривать, но лучшее в ней – это ее парень.

Из кабинки появляется Бренна, заметившая меня.

– Хантер! Господи, что за игра!

– Да вообще.

– Ты просто суперзвезда. – Она обхватывает меня руками, что для Бренны слишком слюняво.

Но потом я замечаю на столе две рюмки. О как. Они с Саммер уже приложились к водке.

– Серьезно, я все время стояла на ногах, крича во всю глотку, – восторгается Бренна, и я знаю, что это не просто пьяная похвала. Бренна Дженсен – наверно, самой большой фанат хоккея (и эксперт по нему) во всем баре. Она определенно дочь своего отца, даже проходит стажировку в «И-Эс-Пи-Эн»⁹. Она работает там по выходным и будням в свободное от занятий время.

– Это было самое этичное надирание задницы в истории, – соглашается Саммер. – Жалко, что Фитца не было, но я все описывала в «Твиттере», так что он сможет потом почитать.

Я сажусь рядом с Бренной. Баки пристраивается рядом с Саммер. Через минуту возвращается Мэтт с графином и стопкой пластиковых стаканов. В «У Малоуна» появилась новая акция по пятничным вечерам – графины за полцены, и это огонь. Я не хочу сегодня напиваться, потому что завтра еще одна игра. Но от нескольких стаканов пива ничего не будет.

– Где та чокнутая? – спрашивает Мэтт девочек.

– Кто? Рупи? – хихикает Бренна. – Она дома смотрит повтор «Хора».

– Почему она не пришла?

– У нее нет фальшивого паспорта, – вставляю я. – И она не хочет его получать.

⁹ ESPN, американский спортивный телевизионный канал.

– Я не могу *нарушить закон!* Я дождусь *совершеннолетия*, спасибо большое! – Саммер изображает высокий голос Рупи так безупречно, что кажется, будто она с нами в кабинке.

Бренна печально вздыхает.

– Я, честно, не знаю, как Холлис ее терпит. И наоборот.

– Это правда, – соглашается Саммер. – Они только кричат друг на друга.

– Или сосутся, – возражаю я.

– Точно. Они кричат или сосутся. – Саммер качает головой. – Третьего не дано.

– Он до сих пор приезжает по выходным? – спрашивает Мэтт, поднимая к губам стакан пива и делая глоток. – Я сто лет его не видел.

– Каждые выходные он дома, – подтверждаю я. – Но он проводит большую часть времени с Рупи. Влюбленный Холлис – это страшная вещь, брат. Ты должен приехать на этой неделе и увидеть все своими глазами.

Баки кладет Пабло на стол, чтобы налить себе пива. Когда Саммер протягивает руку к яйцу, он резко ее отталкивает.

– Пабло – не игрушка, – ворчит он.

– Это просто яйцо.

– *Просто* яйцо? – протягивает Конор, подошедший к кабинке и услышавший удивленный ответ Саммер. – Это наш гребаный талисман, Ди Лаурентис. Прояви уважение.

– Ой, простите! Я не хотела обидеть ваше *яйцо*.

Он ухмыляется, и даже Саммер не может сдержать ответ-

ную улыбку. Ее щеки розовеют, и Кон улыбается еще шире. Чувак прекрасно знает, как его улыбка действует на женщин. Он использовал эту суперсилу с начальной школы, как в «Людах Икс».

Но, хотя на Саммер это тоже подействовало, она все еще недоступна.

– Хватит мне улыбаться, или я расскажу Фитцу. – Она высовывает язык. – Он придет на тренировку и надерет тебе зад.

– Мне нельзя тебе улыбаться? Ну ладно. Как насчет потанцевать? Танцевать-то можно?

Саммер обдумывает ответ.

– Конечно, это разрешено. Но только потому, что мне нравится эта песня.

Это какой-то трек Тейлор Свифт, который я не очень хорошо знаю.

Она встает и тащит Конора к толпе людей, собравшихся у маленькой сцены, которую почти никогда не использовали. По-моему, я ни разу не видел, чтобы какая-то группа играла живую в «У Малоуна», но крошечное пространство перед сценой – лучшее подобие танцпола, которое есть в баре.

Глаза Бренны следят за легкими движениями Конора. И его задницей.

– Боже, он просто красавчик.

– У тебя же есть парень! – напоминает ей Мэтт.

– И? Мне нельзя воздавать должное красоте других лю-

дей? Да ладно, *посмотрите* на него.

Мы с Мэттом и Баки поворачиваемся, чтобы внимательно изучить нашего товарища по команде. Он танцует с Саммер, при этом одна его рука у него лежит на ее тонкой талии, а другая держит пиво. Когда он наклоняется, чтобы прошептать что-то ей в ухо, его серые глаза дьявольски сверкают.

Да, лгать не буду. Эдвардс очень горяч. Мы все это знаем.

– Ох, теперь я чувствую себя лишней, – стонет Бренна, и я еще ничего не понял, а она уже тащит меня из кабинки и ставит на ноги. – Ну же, дай жару, потанцуй со мной.

Не успеваю я моргнуть, как мы пересекаем зал, и Бренна прижимается ко мне. И ее тело – это такой огонь, что я забываю, как дышать. Узкие джинсы обтягивают ее длинные стройные ноги, у нее блестящие густые темные волосы, а ее топ даже более неприличный, чем у Саммер, – такой узкий, что кажется, будто ее тугие груди пытаются сбежать.

Я не хочу к ней прикасаться. Я боюсь, что если мои ладони дотронутся даже до частички ее голой кожи или мельчайшего женского изгиба, то я опозорюсь.

– В чем дело? – говорит Бренна. – Ты забыл, как двигаться?

Я с самоуничижением улыбаюсь.

– Поверь мне, лучше мне не двигаться.

– Почему это?.. – Вдруг до нее доходит. – О-о-о. Потому что ты вне игры. – Она сжимает губы. – Ты боишься, что если наши тела соприкоснутся, то ты возбудишься?

– Я уже возбужден, – ворчу я. – Меня возбуждает *все*, Би. Меня возбуждает ощущение ветра на моем лице. Меня возбуждает удар об стол.

Она отбрасывает назад голову и хохочет.

– О, да ты совсем плох.

Я стону.

– Хуже, чем плох.

– Бедняжка. – Она берет мои ладони и кладет их на свои бедра, а сама обхватывает мою шею.

И да, мой член не проводит разницу между той девушкой, у которой есть парень, и той, у которой его нет. Он тут же затвердевает под молнией джинсов.

– Мать твою, Дженсен, давай не будем. Пожалуйста.

– Ой, да ладно. Это всего лишь стояк. – Она начинает двигаться под веселенькую песню Тейлор Свифт, но через три секунды ее сменяет старый трек рэпера Ти-Ай «Все, что ни пожелаешь». Тот, который полностью о сексе и со знойным битом, слишком опасным для моих ноющих нижних областей.

– Мой стояк не понимает, что ты вне зоны доступа, – бормочу я.

– Раскрыть тебе секрет? – спрашивает Бренна, и я чуть не теряю сознание, когда она подносит свои красные губы к моему уху и соблазнительно шепчет: – У нас с Джейком свободные отношения.

У меня тут же пересыхает в горле.

– Ч-что? – хрипло выговариваю я, заикаясь.

– Я просто хочу сказать... – Она покачивает бедрами. –

Если когда-нибудь захочешь нарушить клятву...

По моему позвоночнику пробегает жар.

– Что, черт возьми, ты хочешь сказать?

– Ты сам прекрасно знаешь.

Она рисует крошечные круги на моем затылке. А тем временем Ти-Ай поет о том, какое все мокрое, горячее и тугое, и у меня большие проблемы.

– Может, пойдём домой? – предлагает она, крепче обхватывая руками мою шею. Наши тела почти полностью прижаты друг к другу. Ее сексуальный голос все еще щекочет мое ухо. – Мы будем вести себя очень тихо. Рупи ничего не услышит.

У меня во рту как будто куча опилок. Краем глаза я замечаю, как Саммер странно на нас смотрит. Я перестал танцевать, потому что из-за очень твердого члена это невозможно делать.

– Ты сейчас серьезно? – спрашиваю я. Потому что я не верю.

И правильно делаю.

– О боже, Хантер. Конечно же, я не серьезно. – Ее лицо коварно блестит.

– То есть у вас с Коннелли не свободные отношения?

– Нет!

Я смотрю на нее.

– А если бы я согласился? Если бы я тебя поцеловал?

– Тогда Джейк примчался бы сюда следующим ночным рейсом из Эдмонтона, и твое тело вряд ли бы когда-нибудь нашли.

– Какая же ты сучка. – Я вздыхаю.

– Прости. – Она все еще посмеивается, но ей хватает воспитания выглядеть хоть немного раскаивающейся. – Я не смогла сдержаться. Это твое воздержание – что-то с чем-то. Но... чувак, если ты настолько себя довел, что был готов переспать со *мною*, то я не знаю, как ты это переживешь.

И я не знаю.

– Ладно, иди сюда, – ворчу я, притягивая ее к себе. – Давай просто потанцуем.

– Ты уверен?

Я с жалким видом киваю.

– Почему нет? Это же всего лишь стояк, да?

Деми

Я следую за Нико в многолюдный бар. Мы встречаемся с друзьями в «У Малоуна», единственном баре в Гастингсе.

Мы с Нико не часто здесь бываем; если мы хотим развлечься, то просто приглашаем людей в квартиру Нико и завигаем там. Но моему парню захотелось сегодня сходить куда-то, а я не стала возражать. В «У Малоуна» делают *лучшие* начос в городе. И лучшие крылышки цыпленка. Лучшие бургеры. Лучшие... ох, ладно, все меню просто блестящее.

– Видишь Пиппу? – Я встаю на носочки и оглядываю заполненный главный зал. – Она написала, что они в кабинке рядом с... а, вон она.

Нико смотрит туда же, куда и я.

– С кем она?

– Похоже на Коринн, Дариуса и... ого, Ти-Джей все-таки пришел. – Я пригласила его с нами, но не ожидала, что он появится, потому что он не очень общительный. Когда мы ходим на обед или в кино, то обычно нас только двое. Он не любит толпы или группы.

Нико строит гримасу при упоминании Ти-Джея.

– Будь вежливым, – упрекаю его я.

– Он *пендэхо*¹⁰, Деми. – Мой парень всегда переходит на испанский, когда кого-то оскорбляет.

– Нет, он мой друг.

– Друг? Он влюблен в тебя, детка.

Не первый раз, когда я слышу это от Нико, но я так не считаю.

– Не влюблен он в меня.

– Да неужели? Тогда почему он все время смотрит на тебя грустными глазами?

– Ты все выдумываешь. – Я пожимаю плечами. – И даже если он влюблен в меня, то что? Мы оба знаем, в кого влюблена я.

– Это точно. – Нико накрывает ладонью мой затылок и притягивает к себе для поцелуя.

К моему удивлению, он даже использует язык, и вот мы уже почти сосемса посреди бара. Группа парней в хоккейных футболках начинает свистеть, и я краснею, когда прерываю поцелуй.

– К чему это было? – Я улыбаюсь своему парню.

– Просто потому что ты есть. – Нико берет мою ладонь и подносит ее к губам. Словно латиноамериканский сердцеед, он оставляет поцелуй на моих костяшках.

Сегодня он просто исключительно милый, и, если честно, мне это очень нравится. На прошлых выходных он отвергал

¹⁰ Засранец (*исп.*).

мои сексуальные намеки, а на этой неделе кинул меня из-за машины. Я заслужила, чтобы меня немного побаловали.

– Иди к ним. Я возьму напитки, – предлагает Нико и направляется к невероятно длинной очереди у бара.

Когда я иду к ребятам, через дверной проем между главным и соседним залами я замечаю знакомое лицо.

Хантер Дэвенпорт танцует со сногшибательной брюнеткой в узком топе и с кроваво-красной помадой на губах. Он что-то шепчет ей в ухо. Когда он поднимает голову, я не могу не заметить румянец на его скулах и потяжелевшие веки на глазах. Ага. Кого-то ждет бурная ночь.

Интересно, что по этому поводу думает та девушка с обедом?

Мысль о том, чтобы встречаться с несколькими людьми, кажется мне кошмарной. Хотя еще хуже – это быть девушкой, которая *встречается* с парнем, который встречается с несколькими людьми. Да-да, я та еще собственница. Моему мужчине нельзя даже смотреть на других женщин, когда он со мной. И если мне когда-то придется опять искать себе пару, я сразу же выскажу свои требования и расставлю все точки над «i» еще до того, как парню будет позволено взять меня за руку.

Как всегда говорит моя мама, знай себе цену. Пусть тебя заслуживают.

Но каждому свое. Хантеру, видимо, немало везет с дамами. Девушка, с которой он танцует, смеется над тем, что он

сказал, и когда он весело качает головой, то замечает меня в дверном проеме. Он приветственно опускает подбородок.

Я посылаю ему воздушный поцелуй. Он ухмыляется и снова переключается на свою пару, а я присоединяюсь к друзьям.

– Деми! – визжит Пиппа, выпрыгивая из кабинки и обхватывая меня руками.

– Здорово, киса.

Пиппа – моя лучшая подруга в Брайаре. Мы встретились на вводной лекции для первокурсников, обнаружили, что обе выросли во Флориде, и тут же стали не разлей вода.

– Привет, – здоровается наша общая подруга Коринн. – Как мне нравится *эта* юбка!

– Спасибо, ей уже миллион лет. – Я провожу ладонями по поношенной джинсовой юбке. Уже осень, а я до сих пор ношу короткие юбки и майки. Точно не знаю, ненавижу я глобальное потепление или люблю.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать в щеку Ти-Джея.

– Поверить не могу, что ты здесь, – говорю я ему. – Так рада, что ты пришел.

Он слегка краснеет и делает большой глоток пива. Рядом с ним сидит Дариус Джонсон, наш с Нико хороший друг.

– Привет, Ди, – говорю я.

– Привет, Ди, – повторяет он, и мы оба усмехаемся. Когда мы только встретились, то боролись друг с другом за право так называться, но в итоге решили, что такое имя будет у

обоих.

– Где остальная команда? – спрашиваю я.

Где бы ни был Дариус, где-то рядом обязательно будут еще минимум три баскетболиста. Но сегодня их не видно.

– Брайар победил в хоккейном матче, – объясняет Дариус. – Они не хотели встречаться с хоккейными фанатами. Эти ребята ненормальные.

В этот же момент, словно в подтверждение сказанного, мимо нашей кабинки проходят трое чуваков с криками «Брай-ар! Брай-ар!» Один из них машет в воздухе черно-серебряной футболкой, то есть сам он не в ней. Шикарно.

Нико возвращается с розовым дайкири для меня и бутылкой пива для себя. Это кубинская марка, которую редко увидишь в Штатах, и все же в «У Малоуна» она откуда-то есть. Это вызывает у меня улыбку, потому что я практически уверена, что об этом пиве Нико узнал от моей мамы. Помню, как она дала ему попробовать его на моем пятнадцатом дне рождения. С тех пор он пьет только эту марку.

– Как прошла неделя? – спрашиваю я Коринн, присаживаясь рядом с ней. – Ты так и не ответила мне по поводу распаковки. Тебе еще нужна помощь?

– Я знаю, прости. Я разбиралась с чертовой мебелью. Переезд – это просто кошмар, – жалуется она.

Коринн только что переехала в однокомнатную квартиру в Гастингсе, всего лишь в нескольких кварталах от «У Малоуна». Найти жилье в черте города не так-то просто, но

Коринн знала предыдущего арендатора, который, как и она, учился на экономическом в Брайаре и внезапно решил съехать. Коринн договорилась с собственником этого небольшого здания даже до того, как все узнали, что квартира свободна.

– Переезд – это не *настолько* кошмар, – дразнит ее Нико. – Тем более когда у тебя на подмоге три рослых молодых человека. – Он поднимает брови.

Я фыркаю. Нико с двумя своими коллегами из транспортной компании помогали Коринн в воскресенье, перевозя все ее коробки и мебель из дома, в котором она жила раньше с пятью другими девушками.

– Эти рослые молодые люди снимали рубашки и играли перед тобой мускулами? – спрашиваю я краснеющую Коринн.

Ее разрывает от смеха.

– Если бы. Они только пили мое пиво и пачкали мой новый ковер своими ботинками.

– Она врет! – по-доброму объявляет Нико. – Мы надели бахилы.

– И, отвечая на твой вопрос, – говорит она мне, пробегая рукой по копне темных кудрей, – да. Мне очень нужна помощь, чтобы все разложить. Может, как-нибудь вечером на этой неделе?

– Конечно. Просто скажи когда.

Я познакомилась с Коринн через Пиппу, и, хотя мы ни-

когда не были настолько же близки, мне нравится с ней общаться. Она немного сдержанная, но когда расслабляется, становится очень даже смешной.

Нико делает глоток пива, ставит бутылку на стол и обнимает меня одной рукой. Он сегодня от меня не отстаёт. Наклонившись, он начинает мягко целовать мою шею, пока Пиппа не издаёт громкий стон.

– Ну ребята, хватит сосаться при всех. Вы *только что* сюда пришли. Такими темпами к концу вечера вы начнете трахаться на столе.

– Звучит заманчиво, – говорит Нико, подмигивая мне.

Боже, он такой красивый. Он родился на Кубе, но, когда ему было восемь, его семья переехала в Майами. Они поселились по соседству, и хватило одного взгляда на ямочки на щеках Нико и в его проникновенные глаза, чтобы восьмилетняя Деми влюбилась. К счастью, это было взаимно.

Мы немного обсуждаем занятия, но я не особо участвую в разговоре. Если честно, я терпеть не могу все свои предметы в этом семестре, кроме психологии. Сегодня на органической химии мы так подробно обсуждали металлоорганические соединения, что у меня чуть не расплавился мозг. Я не была против естественнонаучных занятий в старшей школе, но в колледже я потихоньку начинаю их ненавидеть.

Потягивая напиток, я рассеянно слушаю, как Нико и Дариус болтают о баскетбольной команде. Ди пытается убедить Нико стать их менеджером по снаряжению, потому что их

нынешний куда-то свалил, но Нико с его занятиями и работой не хватит на это времени. Ти-Джей по большей части молчит, заговаривая, только когда я вытаскиваю его из панциря.

Неважно, что говорит Нико. Ти-Джей – солнышко. Он очень хорошо слушает и обычно дает по-настоящему дельные советы. Я так хочу, чтобы он нашел себе девушку, но он слишком стеснительный, и ему тяжело открыться другому человеку. Я пыталась один раз свести его с девушкой из сестринства, но, по ее словам, за все их свидание он едва ли сказал хоть слово.

– Я буду вашим менеджером по снаряжению, – говорит Пиппа Ди. – Но только если мне можно будет смотреть, как вы моетесь в душе. Мне кажется, это разумная плата за... о боже. – Она замолкает посреди предложения, уставившись на высокого парня, проходящего мимо нашей кабинки. – Забудьте. Я хочу смотреть, как *он* моется в душе.

Я успеваю взглянуть только мельком, прежде чем он проходит дальше. Светлые волосы до плеч, красная футболка. Я поворачиваюсь, но лица мне не видно. Все равно его тело – отпад.

– Глазки сюда, – ворчит Нико, показывая двумя пальцами на свое лицо.

Я усмехаюсь.

– Ой, да ладно. Посмотри на его зад. Это что-то с чем-то. Мой парень выглядывает из кабинки ровно в тот момент,

когда тот молодой человек поворачивает к туалетам.

– Ничего так, – сдается он. – Но это не означает, что тебе можно на него глазеть.

– И что же ты сделаешь, отшлепаешь меня?

Его шоколадно-карие глаза кокетливо сужаются.

– Не искушай меня, *мами*.

Коринн тихо кашляет, а Пиппа и Дариус драматично вздыхают.

– Простите, – говорю я всем. – Мы будем хорошо себя вести, клянусь.

– Я не хочу хорошо себя вести, – заявляет Пиппа. – Я хочу вести себя плохо с тем красавчиком. *Кто* это был?

Ти-Джей заговаривает.

– Хоккеист, кажется. По крайней мере, он вышел из кабинки хоккеистов.

– Кабинка хоккеистов? – повторяет эхом она.

Он кивает в сторону другого зала, где Хантер Дэвенпорт со своими друзьями собрались в двух огромных кабинках. Все, что я вижу, – это шикарные девушки, крупные спортсмены и куча еды.

К слову о еде...

– Кто хочет начос? – спрашиваю я и хватаю меню, лежащее перед Дариусом. – Я закажу себе немного, но подумала... о, тут новое блюдо. Жареный шпинат с шариками из моцареллы. Мать твою, да. Я возьму их и еще начос. И, наверное, крылышки?

– С кем она вообще разговаривает? – спрашивает Пиппа моего парня.

Он вздыхает.

– Просто пережди, Пипс. Ты сама знаешь.

Я поднимаю глаза от меню.

– Меня кто-то сейчас осуждает?

– Да, – говорит Пиппа.

– Сто процентов, – соглашается Дариус.

– Как можно столько есть и никогда не толстеть? – допытывается Коринн.

– Я никогда не стал бы тебя осуждать. – убеждает меня Ти-Джей с хитрой улыбкой.

– *Спасибо*, Томас Джозеф. А вы, все остальные, знаете что? Я вам даже не дам попробовать мои шпинатные шарики. Можете сидеть и завидовать, а я...

– Он возвращается, – шипит Пиппа.

Конечно же, хоккеист в красной футболке снова проходит мимо нас. На этот раз я вижу его лицо и тут же понимаю, почему Пиппа залила слюнями весь стол. У него живые серые глаза и красивая улыбка, в которой он изгибает губы, когда ловит на себе взгляд Пиппы. Несмотря на это, он не останавливается.

– О боже, – бормочу я, и Нико тыкает мне в ребра.

– Точно хоккеист, – подтверждает Ти-Джей кивком. – Но я не помню, как его зовут.

– Подождите, я узнаю. – Я вытаскиваю телефон из сумки.

– Что значит «ты узнаешь»? – пищит Пиппа.

Я нахожу в контактах Хантера. Мы обменялись номерами в понедельник вечером у меня дома.

Я: Привет, хоккеист. Что за чувак в красной футболке с тугой задницей и лицом, на котором написано «трахни меня»?

Хотя я выгибаю шею в сторону другого зала, я не могу найти Хантера среди моря качков. Но на экране моего телефона появляются три серых пузырька, показывающие, что печатается ответ.

– Кому ты пишешь? – не выдерживает Нико.

– Хантеру Дэвенпорту.

Ти-Джей резко поднимает глаза.

– Ты пишешь Дэвенпорту?

– Да, мы работаем над проектом, помнишь? У меня есть его номер.

– Кто такой Хантер Дэвенпорт? – спрашивает Коринн.

– Просто хоккеист, который считает себя божьим даром этому миру, – говорит Ти-Джей с ироничной улыбкой.

– Ты даже его не знаешь, – дразняще отвечаю я.

– Я ходил с ним на консультацию в прошлом году, помнишь? Он вел себя в библиотеке как в собственном мотеле.

Я не отвечаю, потому что появляется сообщение от Хантера.

ХАНТЕР: Конор Эдвардс. Правый фланг, № 62. А что? Хочешь его номер?? Мы что, изменяем своему парню??? Ай-

ай-ай.

«Никто никому не изменяет», – печатаю я в ответ, а когда чувствую, что Нико читает все через мое плечо, в подтверждение добавляю: «Я люблю своего парня очень, **ОЧЕНЬ сильно**».

Нико расслабляется и целует меня в макушку.

Я: *Он приглянулся моей подруге. У него есть девушка?*

ХАНТЕР: *Нет, но, кажется, он уже нашел себе занятие на вечер. Хочешь, я подойду и познакомлю их?*

Я гляжу на Пиппу.

– Хочешь, чтобы тебя представили?

У нее опять отвисает челюсть.

– Что?! *Нет.* Он слишком хорош.

– Ты уверена? – Я заманчиво машу телефоном. – Я все организовала.

– Уверена ли я? У меня прыщ на лбу, и я не мыла голову четыре дня, потому что у меня не было в планах встретить сегодня Адониса. Деми, что, мать твою, с тобой не так?

Я хихикаю и пишу Хантеру.

Я: *Может быть, в другой раз.*

Он отвечает: «*Лады*», – и серые точки исчезают.

– Трусиха, – дразню я Пиппу.

– Ну и пусть. Нельзя вываливать на меня такое в последний момент. Я сегодня морально не готова к флирту.

Я не знала, что для обычного флирта нужна моральная подготовка, но, видимо, я вообще мало что понимаю в том,

как искать себе пару. И мне все равно. Посмотрите, что происходит вокруг меня: Хантер жонглирует девушками, Пиппа нервно корчится от мысли познакомиться с горячим парнем. Поиск пары – это, похоже, безумно тяжело.

А отношения, наоборот, – это хорошо и безопасно. Мое место – в мире отношений.

Я переплетаю свои пальцы с пальцами Нико и благодарю свою счастливую звезду за то, что не являюсь частью другого, ужасающего мира.

8

Деми

Нико провожает меня на занятия утром в понедельник. Он ночевал со мной, и мне кажется, что у нас снова все хорошо, когда мы идем, взявшись за руки, по одному из многих тротуаров, пересекающих территорию Брайара. Хотя погода еще не изменилась, цвета в кампусе понемногу начинают меняться.

Я люблю массивными деревьями вдоль дорожки и на лужайке, восхищаясь тем, какое все красивое и необычное. Иногда это кажется ненастоящим. Мы жили в Майами до того, как мне исполнилось пятнадцать, поэтому я привыкла к пальмам и цветным пляжным домикам, а не к статным дубам и старинным зданиям.

Я помню, как закатила огромную истерику, когда узнала, что мы переезжаем в Массачусетс. Моему отцу предложили возглавить отделение нейрохирургии в престижной больнице в Бостоне. А это **ОЧЕНЬ КРУТО**. Но я была скверным эгоистичным подростком, поэтому мне было все равно.

Но отец не терпит приступы гнева. Точнее, он дает мне топать, кричать, ныть... а потом сухо улыбается и спокой-

но спрашивает: «Ты закончила?» Потому что все мы знаем, что в итоге он все равно сделает все по-своему. С моей матерью он ведет себя так же. Мама воплощает в себе стереотипную вздорную латиноамериканку, дополненную передающимся из поколения в поколение рецептом острого соуса и даже более взрывным, чем у меня, характером. Но даже мама не может противостоять отцу.

После нашего переезда в Бостон мы с Нико три года терпели длинное расстояние, сокращавшееся только на лето и каникулы. И после окончания школы я поступила в Брайар и молила бога, чтобы Нико тоже сюда приняли. Я переживала, но не говорила об этом никому. Он не глупый, но Брайар – это очень престижный университет из Лиги плюща, а у Нико не было никакой баскетбольной стипендии или других достижений, которые он мог предъявить. У него были хорошие оценки, но он не был лучшим в классе.

В конце концов, мне кажется, ключевую роль сыграло его вступительное эссе. Он написал о своем тяжелом путешествии из Кубы в Америку. Отец Нико, Хоакин, переехал в Майами еще до жены и сына, чтобы найти работу и обустроиться. У него не было денег на самолет, чтобы перевезти семью, поэтому Нико с мамой добирались на лодке. Которая утонула. Кроме шуток. Два дня они держались в море за спасательный круг, пока их не спасло рыбацкое судно. В конце концов они получили гражданство, и во Флориде родилась его сестренка Алисия.

Его гордость за свою страну прослеживалась во всем эссе. Я проверяла его. И когда он получил от Брайара письмо о зачислении, я выдохнула с огромным облегчением.

Когда мы подходим к зданию факультета науки, я замечаю знакомую фигуру Хантера и сногшибательную блондинку рядом с ним.

Температура сегодня около двадцати пяти градусов, и спутница Хантера одета в короткий топ и просвечивающую белую юбку, а ее золотистые волосы собраны в пучок. Она такая же красивая – если не красивее, – как та брюнетка, с которой он недавно танцевал, и как милая девушка, которая сделала ему обед. Боже. Мистер Популярность становится все популярнее.

Понятия не имею, как он не путается во всех этих телках – трех за неделю. Нет, он, конечно, молодец, но это выглядит ужасно утомительно.

Я машу рукой. Хантер машет в ответ, прежде чем сказать что-то блондинке.

– Это тот хоккеист, – говорю я Нико. – Хантер.

Нико следит за моим взглядом.

– Выглядит очень накачанным.

Я чувствую, как в кармане вибрирует телефон, и вытаскиваю его, чтобы прочитать входящее сообщение.

ТИ-ДЖЕЙ: *Я уже внутри. Увидимся тут.*

– Хочешь потом вместе пообедать? – спрашивает Нико.

– Конечно. Пойдем в столовую в здании актерского фа-

культета? Пиппа сказала, что у них появились тако.

Он вздыхает.

– Ты слышал? Тако! – Я не понимаю, почему взволнована этим только я.

Пока мы договариваемся насчет обеда, к нам подходит Хантер.

– Доброе утро, – по-простому говорит он.

– Доброе, – повторяю я и показываю на Нико. – Это мой парень Нико. Нико, Хантер.

– Здорово, мужик, как дела? – Хантер протягивает руку.

Нико крепко ее пожимает, и ямочки у него на щеках из-за теплой улыбки чуть не прорывают канаву.

– Все хорошо. Я слышал, ты работаешь над проектом вместе с этой... – Он показывает на меня большим пальцем. – Удачи, брат.

– Оп-па. А можно поподробнее?

– Один раз сделай что-то не так, и тебе устроят такую взбучку... – Нико начинает трястись, и Хантер хохочет.

– Она просто кошмар, да?

– Серьезно? – не выдерживаю я. – Вы устраиваете сговор против меня? Это запрещено.

Они не обращают на меня никакого внимания.

– Какие-нибудь подсказки, как с ней справиться? – со всей серьезностью спрашивает Хантер.

Нико секунду размышляет.

– Когда она капризничает, давай ей чупа-чупс. А в осталь-

ное время просто корми ее или сажай перед телевизором и включай детектив.

Хантер кивает.

– Понял, спасибо.

– Да пошли вы, – весело говорю я.

Ухмыляясь, Нико чмокает меня в губы.

– Ладно, мне надо идти. Увидимся, *мами*.

– Пока, малыш.

– Разве «мами» не означает «мать»? – допытывается Хантер, когда Нико уходит. Он хмурит бровь.

– Ну да, это буквальный перевод, но еще это ласковое обращение. «Мами», «папи» – это как «малыш», «солнышко» и так далее.

– А. Понятно. – Хантер замолкает. – Тогда я разрешаю тебе называть меня Большой Папочка.

– Фу. Нет уж.

Он хмыкает, когда мы входим в здание. Ти-Джей ждет меня у входа в аудиторию, но, когда он замечает Хантера, в его глазах появляется напряженность.

– Привет. Где Пакс? – спрашиваю я, оглядываясь.

– Понятия не имею. – Ти-Джей обнимает меня сбоку и чмокает в щеку.

– Пошли внутрь, – говорю я.

В лекционном зале Ти-Джей садится рядом со мной, а с другого бока от меня пристраивается Хантер. Ти-Джей изгибает бровь от такой наглости. Обычно мы не сидим с дру-

гими людьми. Я лишь пожимаю плечами и усмехаюсь ему. Хантер меня веселит.

Зал заполняется, и появляется профессор Эндрюс. Пакса до сих пор не видно.

– Пакс тебе писал? – спрашиваю я Ти-Джея.

– Не-а.

– Что за Пакс? – встревает Хантер.

– Наш друг, – отвечаю я. – Ты говорил с ним на прошлой неделе... и назвал его Джаксом.

– А, точно. Джакс. Этот чувак очень смешной.

– Его зовут Пакс, – раздраженно говорю я.

– Пакс, – подтверждает Ти-Джей.

Хантер закусывает нижнюю губу.

– Вы уверены?

– Да! – Я не могу сдержать хохот. – Его зовут Пакс Лин.

– Не, я точно помню, что он сказал мне, что его зовут Джакс. Наверно, мы говорим о разных людях.

Этот парень невозможный.

Ти-Джей тихо хихикает. Видимо, и он не может противостоять странной привлекательности Хантера.

Эндрюс начинает утреннюю лекцию – обзор расстройств личности. Отлично. Я счастлива, что мы начинаем их изучать. Я все еще пытаюсь найти диагноз моего «пациента», и, судя по записям, которые я сделала на первом сеансе, я подозреваю, что имею дело с расстройством личности.

Он мог бы быть социопатом, но у него нет характерной

апатии. Асоциальные и нарциссические расстройства личности еще остаются в силе, как и что-то между ними, хотя Хантер не описывал скачки настроения или импульсивное поведение, если не считать супружескую неверность. Но его приговорные измены выглядели очень просчитанными и совсем не импульсивными. Надеюсь, на следующем сеансе он даст мне больше информации.

Посреди лекции у меня вибрирует телефон.

ПАКС: *Перебрал прошлой ночью и проспал. Запишите лекцию!*

Мой чересчур любопытный сосед Хантер смотрит на экран через плечо.

– Это Джакс?

– Нет, это Пакс.

– Останусь при своем мнении.

Я подавляю улыбку и переключаюсь обратно на профессора Эндрюс.

Она обсуждает случай с асоциальным расстройством личности, с которым она столкнулась, и рассказывает, как она определила диагноз. Я без ума от этого курса.

После занятия Ти-Джей берет меня под руку и говорит:

– Хочешь пойти взять кофе?

– Вообще-то, – я гляжу на Хантера, – мы могли бы немного поработать над проектом? Я встречаюсь с Нико только в час тридцать.

Он пожимает плечами.

– Конечно, давай. У меня больше ничего не запланировано.

– Кофе в другой раз, ладно? – Я сжимаю Ти-Джею руку.

– Без проблем. Напиши мне потом.

Когда Ти-Джей уходит, Хантер смотрит ему вслед, печально качая головой.

– Бедный парень.

– В смысле?

– В смысле, бедный парень. Он по уши в тебя влюблен, но так глубоко погряз во френдзоне, что я бы вызвал тех же спасателей, которые вытаскивали чилийских шахтеров, чтобы его выволочь. И даже они вряд ли бы справились.

– Не влюблен он в меня, – настаиваю я. Почему все видят то, чего не вижу я? – Все время, что мы с ним знакомы, у меня был парень.

– И что? Я влюблялся в кучу телок, у которых были парни. Мой член не проводит различий.

– Да, я заметила, – сухо говорю я.

– В смысле? – повторяет он за мной.

– В смысле, за одну жалкую неделю, которую я тебя знаю, ты замутил с тремя разными девушками. Поздравляю, твой пенис должен быть безумно довольным.

– О, поверь мне, мой пенис и близко не доволен. – Он проводит пальцами по темным волосам. – Хочешь пойти в ваш особняк?

– Может, найдем местечко во дворе? – предлагаю я. – Се-

годня такой прекрасный день.

– Веди, Семя.

Мы идем по выложенной камнем дорожке к одной из многих ухоженных лужаек, раскиданных по территории Брайара. Не одни мы решили насладиться теплой погодой. Кто-то устроил пикник, кто-то гоняет футбольный мяч, а вдалеке играют во фрисби.

Мы останавливаемся под высоким деревом, ветки которого водопадом свисают с одной стороны и образуют небольшую тень, нарушаемую солнечными лучами, пробивающимися между ними. Обычно я сажусь сразу на траву, но на мне сегодня бежевая мини-юбка, которая не скроет потенциальные пятна от травы.

Я гляжу на землю. Вот это дилемма.

– Садись, девчоночка. – К моему удивлению, здоровяк-хоккеист стягивает с себя рубашку с длинными рукавами и остается в одной белой майке. Он раскладывает тонкую ткань на траве. – Миледи, – вежливо говорит он.

– О, спасибо. Не ожидала от тебя такого. – Я сажусь, опираюсь на локти и откидываю голову, чтобы посмотреть на зеленую крону надо мной.

– Почему это «не ожидала»? – спрашивает он.

– Ты не производил на меня впечатление галантного молодого человека.

– То есть ты считала меня мудаком? И почему ты, кстати, думаешь, что я мучу с тремя телками? – Он звучит искренне

озадаченным.

– Ой, да ладно, не строй из себя дурака. – Я начинаю загибать пальцы. – Девушка, которая принесла тебе на прошлой неделе обед и чуть ли не умоляла любить ее. Та, с которой ты танцевал в «У Малоуна». Сегодняшняя девушка со светлыми волосами и лицом супермодели...

Хантер начинает хохотать. Этот глубокий хриплый звук щекочет мне уши.

– Ни с кем из них я не мучу. Это мои соседки.

– Соседки? – с сомнением повторяю я.

– Да. Та громкая встречается с моим другом, блондинка встречается с другим моим другом, а у брюнетки из бара тоже есть парень. И я живу со всеми тремя.

– Ты живешь с тремя девушками?

– Сначала я жил вместе с Холлисом и Фитцем, но они оба выпустились, и каким-то образом было решено, что вместо них поселятся Саммер, Рупи и Бренна. Ни осмотра дома, ни обсуждения, ничего. Никто даже не спросил, что я думаю. Не то чтобы я жалуюсь.

– Ты жалуешься.

Хантер раздраженно мычит.

– Ладно, я жалуюсь. Они классные, но я бы предпочел жить с кем-то из нашей команды. Но так удобнее для Холлиса и Фитца. Холлис приезжает по выходным, и Фитц формально тоже еще там живет, но он часто в разъездах по работе. В общем, мораль сей истории – мой член не был ни в

одной из них.

– Ну, уверена, что ты и так не скучаешь.

– Неправда.

– Ну конечно. – Я поворачиваю к нему голову. – Ты вообще себя *видел*?

Он расплывается в самодовольной ухмылке.

– Это был комплимент?

– Это была констатация факта – ты горячий. Я это знаю, ты это знаешь, все на этой лужайке это знают. – Я кивком показываю на группу девушек, сидящих неподалеку. Почти каждую вторую секунду кто-то из них бросает в нашем направлении жадный взгляд.

– И что, хорошо выглядящие люди *должны* постоянно заниматься сексом? – допытывается Хантер.

Я фыркаю.

– Ты играешь в хоккей, и ты привлекательный. Только не говори мне, что ты не занимаешься сексом. Я не идиотка.

– Я не занимаюсь сексом.

Он звучит чертовски серьезно, и на секунду я застываю в нерешительности. Потом до меня доходит.

– О. Мы уже начали сеанс. Почему ты мне не сказал? Мне надо записывать!

У него вырывается смешок.

– Мы не начали сеанс. Я серьезно. У меня целибат.

– Целибат?

– Воздержание, – поясняет он.

– Я знаю, что такое целибат, Хантер. Просто я не верю тебе.

– Это правда.

– Врешь.

– Клянусь богом, это правда.

– Докажи.

– *Как?* – Хантер откидывается на локти, трясясь от смеха всем своим поразительным телом.

Я почти обижаюсь на него, но потом понимаю, насколько невыполнимо это требование. Он никак не может это доказать, кроме как вытащить свой член и заняться сексом с одной из тех девушек на лужайке.

– Ладно. – Я задумываюсь. – Допустим. Почему у нас целибат?

– У нас целибат, потому что нам надо сконцентрироваться на хоккейном сезоне.

– Нельзя концентрироваться на хоккее и получать оргазм одновременно?

– Как оказалось, нет.

– Вот теперь мне интересно.

Он пожимает плечами.

– В прошлом году я был идиотом. У меня были чувства к Саммер...

– Что за Саммер?

– Блондинка, с которой я сегодня разговаривал.

– Которая встречается с твоим другом.

– Да. Но до того, как она замутила с Фитцем, мы с ней поцеловались на Новый год, это длинная история и не особо интересная. В общем, Фитц сказал, что она ему не нравится, а потом начал встречаться с ней за моей спиной. Я не очень хорошо это принял.

– Я тебя не виню, – возмущенно говорю я. – Друзья так не поступают.

– Вот именно.

– И ты до сих пор живешь с ними?

– Ну да. Фитц – хороший парень. Просто ему не хватало мозгов признаться самому себе в своих чувствах. Впоследствии я изо всех сил старался забыть Саммер. Постоянно пил, спал со всеми подряд. И в итоге я переспал с девушкой члена команды-соперника. Я этого не знал, – добавляет он в свою защиту. – Мы играли против них в финале, и вот тогда это выяснилось. Парень слетел с катушек и сломал мне запястье.

– О боже.

– Мы проиграли, а та команда прошла в чемпионат и победила. – Черты лица Хантера твердеют от решительности. – Я не позволю этому повториться.

Я хмыкаю.

– Мне кажется, совсем не заниматься сексом – это слишком радикальное решение. Можно просто не трахаться с девушками, у которых есть парни.

– Дело не только в этом, – признается он. – Я капитан ко-

манды в этом году. Я хочу быть хорошим лидером. Я хочу компенсировать то, что случилось в прошлом году. Мне кажется, что вообще будет лучше, если я сконцентрируюсь на игре, а не на телках или вечеринках. – Он сует руку в карман и проверяет телефон. – Так, займемся делом? У меня остался час.

– А что будет через час?

– Я поеду к товарищу по команде домой.

Я оживляюсь.

– К тому красавчику?

– Это я красавчик, Деми. – Он подмигивает. – Ты про Конара? Да, это его дом, так что он, скорее всего, там будет. А разве у тебя нет парня, с которым я познакомился буквально пять секунд назад?

– Это не означает, что твой друг – не красавчик. Он приглянулся моей подруге Пиппе.

– Предупреждаю: он секс-машина, которой был я в прошлом году, поэтому я бы держался подальше.

– Как долго у тебя это продолжается? – не могу не спросить я, потому что любопытство – та еще стерва.

– С тех пор, как я трахал кого-то?

– Нет, с тех пор, как ты взобрался на Эверест.

– С апреля. То есть... сколько это... пять месяцев?

– Бедный монах! Это же вечность! – дразню я.

– Я знаю. – Он ложится на траву, подсунув под голову рюкзак. – Это ужасно, Семя. Я скучаю по сексу.

– У меня был секс этой ночью.

– Жестоко это говорить.

– Но это правда, – протестую я.

– Я только что рассказал тебе о своих бедных больных яйцах, а ты хвастаешься тем, чем занимается твоя киска? – Он драматично вздыхает. – Как это было?

– Секс? Очень даже неплохо.

– Начни с самого начала, – требует Хантер. – Тебя раздел он, или ты показала ему стриптиз? Он...

Я издаю громкий свист.

– Ты пытаешься жить через меня?

– Да, – стонет он. – У меня ничего не происходит. Я не могу смотреть порно, потому что постоянно кто-то врывается ко мне в комнату или стучит в дверь, если я *посмею* запереть ее: у этих девушек нет ни капли приличия, честное слово. Все, что мне остается, – дрочить в душе. – Он замолкает. – Может, мне подумать о том, чтобы купить водонепроницаемый телефон и носить его в душ? Так я смогу смотреть порнуху и дрочить на настоящих девушек.

– Это не *настоящие* девушки, – спорю я. – Порнография создает самые нереалистичные ожидания от девушек. Никто так не выглядит, и настоящий секс вообще не такой.

– Какой тогда настоящий секс? – допытывается он.

– У настоящего секса нет сценария. В нем много копошения, стуканья лбами и неудобных поз, когда у тебя застревают руки и ноги. В нем смех, ругательства, множество оргаз-

мов или вообще их отсутствие. В смысле, это весело, но еще и запутанно и точно не идеально.

Он смотрит на меня.

– Ты просто невыносима. Теперь я думаю обо всем сексе, которым не могу заниматься.

– Это ты поднял эту тему.

– Разве? Я уже не помню, если честно. Я не знаю, где заканчивается секс и начинаюсь я.

Я смеюсь. Этот парень очень смешной. И он намного лучше, чем я думала, – точно не тот высокомерный мудака, которым я его себе представляла. Не буду лгать: Хантер Дэвенпорт растет в моих глазах.

Хантер

Я сажусь в свой Лендровер и сразу же включаю кондиционер. Господи, как в середине сентября может быть так жарко? Поймите меня правильно, я надеюсь, что так будет всегда, но после того, как я провел полчаса во дворе с Деми, я весь обливаюсь потом.

Я выезжаю со студенческой парковки и еду обратно в Гастингс, где быстро проезжаю мимо своей улицы на другую в паре кварталов от нее.

Я не шутил, когда сказал Деми, что хочу, чтобы кто-то проконсультировал меня насчет девушек, заселяющихся в таунхаус. Я не имею ничего против них, но я в колледже, черт возьми. Я хочу тусить с парнями. В этом году я недоступен для девушек, и нет ни единой причины, почему я должен столько знать об эвкалиптовых масках для лица и тампонах, которыми пользуются все в доме. Кроме того, циклы Рупи и Бренны каким-то образом синхронизировались, поэтому менструация у них теперь в одно и то же время. Когда это случается, с ними очень сложно общаться.

Я паркуюсь на подъездной дорожке за джипом Мэтта и

Конора. Они живут вместе с нашим товарищем по команде Фостером и двумя старшекурсниками – Гевином и Алеком.

Когда Мэтти открывает дверь, я радуюсь знакомому шуму издевающихся друг над другом парней, звуку нажатия кнопок на геймпадах и ароматам пиццы и протухшего пива, когда еще даже не наступил полдень. Вот это колледж.

– Привет, – говорю я всем в гостиной.

Фостер развалился в кресле, удерживая на коленке банку пива. Гевин и Алек рубятся в шутер. Нет только Конора, но он, видимо, на занятиях.

Не знаю точно, чья очередь сейчас следить за Пабло Яйцебаром, но он лежит на кофейном столике в мягком чехле, который сделал для него Баки, и ему очень это идет. Кто-то черным маркером нарисовал ему глаза и пяточок прямо над каракулями тренера – и вуаля, теперь у Пабло морда свиньи с подписью Дженсена вместо рта.

Если честно, я удивлен, что он еще цел. Пьяные студенты – не лучшая кандидатура для ухода за яйцом.

– Как дела, Пабло? – приветствую я яйцо. Он не отвечает, потому что ненастоящий, но я хотя бы пытаюсь делать вид.

Правило номер тысяча из руководства капитана: *выбирай, за что сражаться*.

– Кто сегодня вместо яичной мамочки? – спрашиваю я.

– Кон. Но он только что ушел с какой-то телкой наверх, поэтому мы ждем подходящего момента. – Мэтт усаживается на диван.

Я плюхаюсь на другом конце.

– Подходящего момента для чего?

Мэтт и Фостер злорадно друг другу улыбаются.

– Для кормления. Пабло вот-вот чертовски проголодается.

Гевин фыркает, не отрывая взгляда от экрана.

Я подавляю вздох. По моим источникам, с прошлой недели все немного начало переходить границы. Вчера мне написал Джесс Уилкс, жалуясь, что остальные парни постоянно звонят ему, когда он с Кэти. Теперь это официальная игра – максимально достать того, кто ухаживает за яйцом.

– Сколько уже прошло времени? – спрашивает Алек, порхая пальцами по геймпаду.

– Только минут десять, – отвечает Фостер. – У них, наверное, еще прелюдия.

– У нее, – предполагает Гевин.

– Или она ему отсасывает, – возражает Мэтт.

На секунду они замолкают.

– Не, – наконец говорит Фостер, поднимая пиво к губам. – Сначала он занимается ей, потом она ему отсасывает, потом они трахаются. Такой у секса порядок.

Я начинаю хохотать.

– Да ладно? Так написано в инструкции?

Мэтт хихикает.

– В таком порядке занимаюсь им я, – вставляет Алек. – А вы как делаете?

– Я не знаю, мать твою. Я не отслеживаю свои сексуальные похождения, как будто это исследование неизвестных науке Мальдивских островов. – Я закатываю глаза. – Тут нет никакого порядка. Ты просто смотришь по ходу дела.

– Ход дела всегда один и тот же, – упрямо говорит Алек.

– Это правда, – соглашается Фостер. – Обычно у меня тоже все так и происходит.

– Странно. – Когда я вспоминаю свои переписки, они точно все разные. Иногда мы вваливаемся ко мне в комнату, и не успеваю я моргнуть, как она уже стоит на коленях с моим членом во рту. А однажды я был с девушкой, которой хватило всего секунды три поцелуев, а потом она повернулась и сказала, чтобы я оттрахал ее в задницу. А в последнее время продолжительность стала увеличиваться: я целую каждый дюйм их тела или наоборот. Иногда мы даже начинаем с секса, а заканчиваем прелюдией.

– Я не знаю, чем вы, ребята, занимаетесь, но у меня все по-разному, – признаюсь я.

– Может быть, это зависит от девушки, – предполагает Фостер. – Я встречался с одной и той же всю старшую школу, и я сужу по ней.

– Мы с Сашей вместе три года, – кивая, говорит Алек о девушке, с которой встречается сейчас.

– Точно, все зависит от девушки, – подтверждает Мэтт. – Например, Джесс. У них с Кэти самая предсказуемая сексуальная жизнь в мире. Когда мы вместе жили в общежитии в про-

шлом году, они вешали на дверь этот тупой носок, и я знал, что у них все закончится ровно через сорок семь минут. Я мог даже вычислить точное время оргазма.

– Звучит как-то скучно.

Хотя, может быть, секс с тем, кого ты безумно любишь, каждый раз кажется разным? Понятия не имею. У меня было несколько девушек в старшей школе, но ни одна из них не была «той самой».

– Ладно. Прошло двадцать две минуты, – объявляет Фостер. – Он либо в ней по самые яйца, либо у нее занят рот. В любом случае член в игре. Повторяю, член в игре.

– Вы просто засранцы. Как капитан команды, я должен это остановить, – предупреждаю я.

Они все ждут.

Мой рот расплывается в улыбке. С другой стороны, у Конора столько секса, что ничего страшного не случится, если один из них прервут.

– Но я не буду. Вперед. Давайте.

Фостер и Алек взбегают наверх по узкой лестнице. Через секунду их тяжелые шаги глухо звучат по потолку. Когда они начинают молотить в дверь Конора кулаками, стук эхом отзывается по всему дому. Как будто спецназ ломится в наркопритон.

– Пабло голоден! – кричит Фостер.

– Покорми меня! – воет Алек.

На другом конце дивана Мэтт сгибается от смеха.

Все становится еще хуже: в воздухе звенят гневные ругательства, и два огромных хоккеиста на бешеной скорости сбегают с лестницы. Сразу за ними несется Конор – с голой грудью, босиком, с наспех натянутыми клетчатыми боксерами, свисающими с одного бедра. Его светлые волосы взъерошены, а губы немного опухли.

– Вы гребаные мудаки, – рычит он.

– Что? – Фостер невинно моргает. Он показывает на кофейный столик. – Наша свинья хочет обедать. У нас домашнее животное, брат. Сначала домашнее животное, а потом вагина.

– Домашнее животное, потом вагина, – повторяет Мэтт.

Гевин отрывает взгляд от игры и с серьезным видом кивает.

– Мудрые слова Томаса Джефферсона.

– Я кормил его утром, – возражает Конор.

Фостер вытаращивается на него.

– Он ест три раза в день, эгоистичный засранец. Смотри, он умирает от голода.

Я гляжу на яйцо и его глупую морду, закрываю лицо руками и трясусь от беззвучного смеха.

– Дэвенпорт! – лает Конор. – Ты капитан. Я подаю на них жалобу.

Я поднимаю голову с еще дрожащими губами.

– А в чем жалоба?

Он тычет в воздух указательными пальцами.

– Я трахался.

– Это не жалоба, а констатация факта.

Фостер скрещивает руки на громоздкой груди.

– Не забудь: нужно просидеть пять полных минут, чтобы убедиться, что он все съел.

Кон со вздутыми на лбу венами хватает Пабло со стола. На мгновение кажется, что сейчас он метнет его в стену, но в последнюю секунду он еле слышно ругается и поворачивается. С кухни доносится тихое бормотание.

Я гляжу на Мэтта.

– Он же не будет готовить настоящую еду?

– Нет, правила не такие.

– А какие правила?

– Какие мы сами придумаем, – отвечает Фостер с ухмылкой. – Но суть такая, что на Пабло надо тратить по пять минут.

– Но идти против системы нельзя, – говорит Мэтт.

– Какой еще системы? – морщусь я. – Это полный бред.

– Он ест три раза в день, срет два раза в день и требует внимания, когда кому-то из нас скучно, и хочется поиздаться над тем, чья очередь следить за Пабло.

– Но так можно делать только несколько раз в день, – добавляет Фостер. – Тем не менее сообщения с часу ночи до пяти утра очень даже поощряются.

– Это же все очень полезно, – говорит мне Алек. – Как ты не понимаешь?

– Со мной вы тоже будете такое вытворять? – Я содрогаюсь. Моя очередь в пятницу.

– Не, с тобой мы бы никогда такое не сделали, – уверяет меня Фостер.

Другие соглашаются.

– Никогда.

– Конечно нет.

– С капитаном никогда такое делать не будем.

Чертовы лжецы.

В четверг вечером нам с Деми удастся найти время для второго сеанса. Мы опять встречаемся в ее спальне в особняке Теты. Она сидит, скрестив ноги, с виноградным чупа-чупсом во рту на кровати с фиолетовым покрывалом. Я развалился на диванчике, развлекая ее новой сочной историей из жизни отвратительного Дика Смита.

– В общем, она пообещала принести клубничный чизкейк и обычный тыквенный пирог. Все остальное складывалось просто прекрасно. Официанты были на высшем уровне. На столе стоял хрусталь, который мои бабушка с дедушкой подарили нам на свадьбу. К нам должны были приехать родственники из Палм-Спрингс и Манхэттена. День благодарения в Хэмптонсе – это всегда важное событие.

Деми внимательно наблюдает за мной. Я знаю, что она пытается понять, к чему я веду.

– Но гвоздем программы должен был стать клубничный чизкейк, – хвастаюсь я. – Это был первый пирог, проданный

моими родителями, когда они открыли маленькую пекарню на Бертон-стрит, впоследствии превратившуюся в огромную десертную империю. Все было идеально: мать была бы очень тронута тем, что я вспомнил и постарался порадовать ее. Видит бог, моего брата Джефффри не очень заботит ее счастье.

Деми сует чупа-чупс за щеку.

– Вы часто прикладываете столько усилий, чтобы получить одобрение своей матери?

– Дело совсем не в одобрении. Я же сказал: я хотел сделать мать счастливой.

– Понятно.

Я раздраженно пыхчу.

– В общем. Ужин был великолепным, пришло время десерта, и знаете что? Официанты приносят только гребаный тыквенный пирог, и все. Никакого чизкейка. На лице я с трудом сохранял улыбку, а внутри весь кипел. Кэтрин извинилась после ужина и объяснила, что все пекарни в районе либо были закрыты, либо больше не принимали заказы, но гребаные извинения ничем не могли мне помочь. Она выставила меня идиотом перед всей семьей, а чертов Джефф пошутил, что тыквенный пирог был очень оригинальным, и я хотел его прикончить. Счастливого Дня благодарения, да?

На мгновение повисает тишина. Я перевожу взгляд на Деми и вижу, что она внимательно меня изучает.

– Ого, – медленно произносит она. – Тут надо много распутывать. Наверное, первый вопрос у меня такой – если все

пекарни в праздник были закрыты, то справедливо ли винить жену в том, что она не смогла купить чизкейк, как вы считаете?

– Она могла купить его днем раньше, – холодно говорю я. – Это не оправдание.

Она пару раз качает головой.

– Боже. Ты так хорошо это делаешь, – замечает она.

Я неловко пожимаю плечами.

– Да? Думаешь, мне надо бросить хоккей и стать актером? – Тупая шутка.

Самое забавное то, что это совсем не шутка. История, которую я сейчас рассказал, – правда, как она есть. Не упомянул я только то, что сын этого мудака неделю за неделей перед Днем благодарения выслушивал отвратительное хвастовство по поводу этого тупого клубничного чизкейка, а потом годами терпел жалкое нытье из-за тыквенного пирога.

Да, познакомьтесь с моим отцом, которого не колышет никто, кроме него самого. Он хотел выглядеть лучше своего брата, и пошли на хрен все закрытые пекарни и моя ужасная эгоистичная мать за то, что не учли его потребности. Бедная мама месяцами после этого ходила на цыпочках. Этого мужчину невозможно удовлетворить.

Когда я открыл свой конверт для пациента на прошлой неделе и увидел назначенное мне заболевание, то чуть не рассмеялся вслух. Мне не нужно ничего изучать: я полностью знаком с симптомами и с тем, как они проявляются. Я

жил с этим всю свою жизнь.

– Почему для вас было так важно хорошо выглядеть в глазах вашей семьи? – спрашивает доктор Деми.

– В смысле?

Она формулирует по-другому:

– То, что должно было стать радостной семейной встречей, превратилось в соревнование между вами и вашим братом. Мне просто интересно, почему вы участвовали в этом соревновании?

– *Мне* плевать на соревнования, а ему нет. Он завидует мне, потому что я старше и успешнее него. И я что, должен был позволить ему оскорблять меня? Ну уж нет. Я буду отвечать.

– Понятно. – Пауза. – Как вам кажется, к людям рядом с вами вы предъявляете высокие требования или средние?

Интересно, какие выводы она делает? Очевидно, что у Деми очень высокие умственные способности. Это одна из многих причин, почему мне нравится проводить с ней время. Главная причина – с ней легко общаться, и нет никакого намека на то, что наши отношения должны перестать быть только дружескими. У нее есть парень, которого она явно любит, поэтому меня ничто не искушает. Конечно, у нее охренеть какое сексуальное тело, и она часто носит узкие топы, которые обтягивают ее упругие сиськи и обнажают живот, но я способен любоваться этим, не фантазируя о том, как я срываю с нее одежду.

Деми делает еще несколько записей и говорит:

– Ладно, давай заканчивать. Мы встречаемся с Нико, чтобы поужинать. Но, мне кажется, я начинаю формулировать твой диагноз.

– Это очень интересно, – признаюсь я. От меня не ускользает ирония того, что я хорошо провожу время, подробно описывая, как работают мозги моего отца.

Папа – не самый любимый мой человек, но я обычно никому на него не жалуясь. Всю свою жизнь я просто помогал изображать шаблонно-идеальную семью. Просить о большем было бы слишком эгоистично. Я же богатенький парень, выросший в Гринвиче и ходивший в элитную частную школу. У других жизнь сложилась намного хуже. Кто-то из них страдает от настоящего физического насилия, что намного хуже, чем просто быть не в состоянии удовлетворять нереалистичные требования какого-то эгоиста. Тем не менее это потрясающе – описывать события своего детства с точки зрения папы. Я не знаю, все ли делаю правильно, но изучение темы вряд ли поможет мне узнать что-то новое об особенностях такого мышления.

– Увидимся на следующей неделе, – говорю я Деми. – Но в понедельник я вряд ли смогу.

– А в середине недели?

– В среду вечером – да. Но не на выходных: у нас три игры.

– Ладно, тогда, наверное, в среду вечером, – говорит она, – но обычно в этот день я хожу в спортзал.

– Ты ходишь в спортзал?

– Конечно. Почему, ты думаешь, я так хорошо выгляжу?

Естественно, я снова перевожу взгляд на ее поджарое миниатюрное тело. Она вряд ли выше метра шестидесяти, но, боже, ее ноги кажутся бесконечными. Длинные, загорелые и голые в ее крошечных джинсовых шортах. Готов поспорить, ее задница упругая и идеально, идеально лежит в руках.

Вот блин.

Это происходит.

Я фантазирую о ней.

Хорош, чувак, хорош!

– В общем. – Я отрываю взгляд, но она уже меня поймала.

– О боже, прекрати. Тебе нельзя так на меня смотреть, – требует Деми. – Ты же монах, помнишь?

– Ни на что я не смотрел, – вру я.

– Вранье. У тебя во взгляде читался секс.

– Неправда. Поверь мне, жгучий взгляд – это не мой способ подката. – Я усмехаюсь. – Если бы я действительно к тебе подкатывал, то ты бы не просила меня прекратить.

– У тебя есть какой-то способ подката? – На красивом лице Деми расцветает веселая улыбка. У нее потрясающая кожа. Светящаяся и безупречная, и на ней даже вряд ли есть макияж. – Покажи!

– Нет.

– Пожалуйста.

– Нет, – рычу я. – Тебе нельзя это видеть.

– Почему? – ноет она.

– Две причины: у тебя есть парень и я монах.

– Ладно. Но, к твоему сведению, я уверена, что твой подкат – отстойнее отстоя. – Ухмыляясь, она открывает ящик стола и, немного покопавшись, вытаскивает очередной чупа-чупс. На этот раз вишневый. Или клубничный.

– По-моему, у тебя зависимость от сахара, – сообщаю я ей.

– Нет, просто мне нравится держать что-то во рту.

– Я даже не буду комментировать это утверждение.

Она глядит на меня.

– Это называется «оральная фиксация», Хантер. Она довольно распространена.

– Ага. Как скажешь.

Несмотря на все мои усилия полностью забыть этот разговор, мысли о Деми и ее оральной фиксации преследуют меня всю дорогу до дома и пожирают сексуально озабоченный мозг. И вот я уже запираю дверь в ванную, встаю под душ и настолько крепко сжимаю эрегированный член, что такой хваткой мог бы разбить мрамор напополам.

Это снова происходит.

Я фантазирую о Деми Дэвис, и на этот раз я не останавливаюсь.

Я представляю ее пухлые губы, обхватившие чупа-чупс, но через несколько секунд он сменяется головкой моего члена. Я проталкиваю его в ее сексуальный рот, и она тут же высовывает язык, потому что она ужасно хочет почувствовать

ЭТОТ ВКУС.

«М-м-м, – бормочет она в моих фантазиях. – Вкус как у конфеты». И я представляю, как говорю ей, что ее киска, наверно, на вкус еще слаще, отчего она стонет, и этот горловой звук пробегает по всей длине моего ствола прямо до яиц.

– Черт побери. – Мое хриплое ругательство эхом отзывается в душевой кабинке. Я прислоняюсь лбом к плитке, пока удовлетворяю себя быстрыми, отчаянными движениями. Мой член такой твердый, что даже болит. Из-за пара в ванной трудно дышать. Когда я начинаю трахать собственный кулак, то прислоняюсь лбом к руке и глотаю горячий кислород. Боже, как же хорошо. Моя пошлая фантазия со сценарием растворяется в насыщенном паром воздухе. Теперь я глажу член под случайные картинки, проносящиеся у меня в голове: Деми отсасывает мне, грудь Деми вываливается из ее узких топов, ее загорелые ноги... раздвинутые для меня. Черт, интересно, какие звуки она издает при оргазме?.. Я взрываюсь, как бутылочная ракета. Черт *возьми*. Мои бедра застывают, когда волна жаркого удовольствия прокатывается по всему телу. Я кончаю в ладонь, тяжело дыша, в глазах скачут черные точки, член безумно колет.

То, что я фантазировал о Деми, вызывает во мне только слабую вину. Думаю, она бы меня простила, если бы я ей рассказал. Это же обязано было случиться. У меня отчаянное положение – пять бесконечных месяцев без секса. К концу месяца я буду драть под фантазии о Майке Холлисе.

Я начинаю всерьез беспокоиться о своей вменяемости.

Громкий стук сотрясает дверь.

От испуга я чуть не смываю себя в слив.

– Хантер! – визжит Рупи. – Вылезай уже оттуда. Ты закончишь всю горячую воду, а я хочу помыться перед сном!

В моем горле застревает болезненный стон. Я все еще сжимаю свой член, но он быстро становится мягким – вот что делает голос Рупи с пенисами.

– Иди отсюда, – рычу я в дверь, но с террористами переговоров не ведут. Если я не послушаюсь, то она найдет на «Ютубе» какое-нибудь видео о том, как взламывать замки, выбьет дверь и силой вытащит меня из-под душа.

Ненавижу своих соседак.

Деми

По средам у меня нет занятий, поэтому утро я провожу за подготовкой к тесту по биологии и за завершением задания по математике. В этом семестре нагрузка почти в два раза больше, чем в прошлом году, поэтому каждый день я встаю на час раньше с надеждой, что это поможет мне сохранить отличные оценки.

А мой отец вдобавок еще решил, что мне надо начать готовиться к поступлению в медицинскую школу. Прошлым вечером он даже написал мне с предложением нанять репетитора. Я сказала, что подумаю.

А на самом деле я подумаю лишь над тем, как дипломатично сказать: «Пожалуйста, бога ради, не заставляйте меня готовиться к медицинской школе, иначе третий курс я не переживу».

Днем я тусуюсь с Коринн в ее новой квартире в Гастингсе, помогая ей организовать все в шкафу. Дома в Бостоне у меня милый встроенный гардероб, где все разложено по цвету и стилю. Мой уровень тревожности значительно снижается, когда все чисто и аккуратно.

– Спасибо большое за это, – слегка смущенно говорит Коринн.

Я надеваю на плечики тяжелый трикотажный свитер.

– Да ладно. Ты же знаешь, что это мой конек. Тем более мы друзья. Друзья не дают своим друзьям в одиночку прибираться в шкафу.

Ее ответная улыбка наполнена благодарностью.

Коринн – орешек, который иногда непросто расколоть. Она очень красивая, и ее постоянно преследует поток парней, но встречаться она будет далеко не с каждым. Она асоциальная, временами тихая, но у нее отменный сарказм, а когда она расслабляется, то с ней жутко весело.

– Очень милая квартира, – говорю я ей. – Мне нравится, что спальня такая большая.

Она почти такого же размера, как моя комната в особняке, при этом мне повезло на жеребьевке, и я урвала лучший вариант.

На двуспальной кровати Коринн вибрирует мой телефон: пришло сообщение от Хантера.

ХАНТЕР: Ты смотрела игру Брюинса вчера?

Во время одной из наших прошлых переписок он не замолкал о предстоящей игре, и я сказала, что обязательно начну смотреть хоккей. Я думала, он уловит сарказм.

Я: О да! Какое НАПРЯЖЕНИЕ! Поверить не могу, что тот игрок получил девятнадцать очков!!!

ХАНТЕР: Ты не смотрела, да?

Я: Нет. Прости. Я же говорила, что мне не интересен хоккей.

ХАНТЕР: Я ожидал большего от психотерапевта. Пока.
Следует длинная пауза.

ХАНТЕР: Мать твою, подожди, я писал по другому поводу. У нас еще в силе сеанс в спортзале?

Я: Да. После того, как я закончу с ужином. Около 8? О, и не забудь надеть узкие лосины, чтобы я могла тебя оценить.

ХАНТЕР: Естественно.

Я ухмыляюсь в экран.

– Опять тот хоккеист? – спрашивает Коринн.

– Ага. – Посмеиваясь, я снисходительно качаю головой. – Он такой самовлюбленный. Но очень горячий. Я бы вас свела, но он не занимается сексом.

– Стой, что?

– Он какое-то время воздерживается. – Надеюсь, это не секрет, но на всякий случай я не вдаюсь в подробности. – Слушай, какой у тебя пароль от вай-фай? Я пытаюсь подключиться.

– Ой, у меня еще его нет. Его подключат в пятницу.

Я уже хочу отложить телефон, но приходит еще одно сообщение:

ТИ-ДЖЕЙ: Ужин еще в силе?

Я: О да. Суши, детка!!!!

Я добавляю три эмодзи-рыбы. Ти-Джей отвечает пароч-

кой креветок, и вот мы уже посылаем друг другу случайные морские эмодзи, от которых я хихикаю.

Я: *Ты видел, что нет эмодзи-лобстера?? Какого черта??*

Ти-Джей не отвечает, поэтому я откладываю телефон и начинаю складывать на матрасе Коринн футболки.

– Мне кажется, их лучше положить в шкаф, – предлагаю я. – Вешать футболки – лишняя трата плечиков.

– Согласна. Давай повесим то, что может помяться, пла-
тья, юбки...

У меня опять вибрирует телефон. Ти-Джей прислал картинку мультяшного лобстера с сердечками в глазах и облачком над головой с текстом: «ХОЧУ ВПИТЬСЯ В ТЕБЯ ЗУБАМИ!».

Я взрываюсь от смеха.

– Прости, – говорю я Коринн. – Ти-Джей шлет мемы.

– У тебя миллиард друзей мужского пола, а я даже с одним не могу справиться. – Она качает головой. – Не знаю, как ты это делаешь. Все эти хрупкие эго... Они все просто маленькие дети, которым нужно внимание. – Она восторженно вздыхает. – Знаешь, кто ты? Ты – Венди, а они – потерянные мальчики¹¹.

– Похоже на правду, – говорю я сухо. – Но я люблю своих потерянных мальчиков. С ними всегда очень весело. – Я складываю очередную футболку. – Мы с Ти-Джеем сегодня пойдем вместе на ужин. Хочешь с нами?

¹¹ Герои произведений о Питере Пэне.

– Не могу. Ко мне сюда придет учебная группа. Будете только вы с Ти-Джеем? Без Нико?

– Нико играет в баскетбол с Дариусом, а потом встречается с коллегами, чтобы вместе выпить. Ты, наверное, познакомилась с ними, когда они помогали тебе переезжать.

– Я познакомилась с двумя. – Она вспоминает. – Один был очень милый, а другой был очень лысый.

Я хихикаю.

– Лысый – это Стив, а милый... может, Родди? Сокращенно от Родриго. Но у него вроде есть девушка.

– Облом.

– Ага. Но ты же даже не хочешь ни с кем встречаться.

– Точно.

Я отношу стопку аккуратно сложенных футболок к деревянному шкафу Коринн, который она купила с рук.

– Давай уберем всю эту кучу и вернемся к одежде. Одежда – это самое интересное.

– То, что приносит тебе радость...¹² – Она вздыхает. – Ты охренеть какая странная, Деми.

Я провожу с Коринн еще пару часов, а потом прохожу пешком небольшое расстояние до центра. Ти-Джей уже ждет меня в суши-ресторане, в котором все оказывается просто феноменальным. Конечно же, я пишу об этом своему парню, когда еду в такси домой, потому что хорошая еда меня воз-

¹² Отсылка к «Магической уборке» Мари Кондо, где рекомендуется избавляться от вещей, которые не приносят радость.

буждает, а когда я возбуждена, то должна поделиться этим с Нико.

НИКО: *Мне кажется, ты обесцениваешь оргазм тем, что называешь прием пищи «оргазмическим».*

Я: *А мне кажется, что ты недооцениваешь хорошую еду. И это почти преступление, потому что ты кубинец и еда у тебя в крови.*

НИКО: *Не-а.*

Я: *Я расскажу твоей маме, что ты так сказал.*

НИКО: *Даже не смей.*

Я: *Я еду в спортзал. Буду дома около 9. Хочешь зайти, когда вы с парнями закончите?*

НИКО: *Вряд ли получится, детка. Мы, наверное, пойдём обратно к Стиву и порубимся в «Фортнайт».*

Я только чуточку расстроена. У нас не было никаких совместных планов, поэтому я не могу винить его в том, что он хочет продолжить вечер с друзьями, с которыми договорился изначально.

Я: *Ладно. Веселись! Люблю тебя.*

НИКО: *И я люблю тебя, детка <3 <3 <3 <3*

– Я скучаю по минуте, – час спустя объявляет Хантер в спортзале.

Это печальное признание вызывает у меня такой взрыв хохота, что я чуть не спотыкаюсь на беговой дорожке. Прошла неделя с тех пор, как мы виделись, и, очевидно, его статус монаха все еще в силе.

– Мне жаль это слышать, – говорю я ему.

– Говори это не мне, а моему члену.

Фыркая, я опускаю взгляд ниже. Не буду лгать: его богатство выглядит впечатляюще под черными спортивными штанами. Я делаю великодушный жест рукой в сторону его паха.

– Я искренне сожалею о твоих проблемах, член Хантера.

Владелец члена Хантера серьезно кивает.

– Он ценит ваши соболезнования.

Хренов парень. Он либо восхитительный, либо невыносимый. Я еще не решила.

С учетом сказанного, в спортзале он точно не лучшая компания. Последние сорок минут мы бегали на соседних дорожках, не изменяя быстрый темп. Но у меня уже не остается сил. Признавая поражение, я снижаю скорость на дорожке.

Мистер Звезда Хоккея даже почти не вспотел. На лбу у него появилась легкая испарина, и это все. Тем временем, я превратилась в потное нечто. Слава богу, у меня нет к нему романтического интереса, иначе мне было бы ужасно неловко от такого количества пота. Даже Нико не видел меня такой.

– О, кому-то нужен отдых? – дразнит Хантер.

– Нет, просто скорость понизе.

– Слабачка.

– Монах.

– Хватит использовать это как оскорбление. *Некоторые* считают мое воздержание похвальным.

– Говорит тот, кто ноет, что скучает по минуте.

– О, как будто ты бы не скучала, если бы твой парень перестал тебе лизать.

– Да не особо, – говорю я, не подумав. И тут же об этом жалею. Я не любитель разговоров о сексе, тем более когда речь идет о моем парне. Ну и что, что Нико – не оральный гений? Это не означает, что он не обладает другими исключительными качествами.

К сожалению, Хантер услышал меня четко и ясно. Даже когда он поворачивает ко мне голову, остальное его тело продолжает двигаться все так же слаженно, пожирая беговую дорожку длинными ногами.

– Ой-ой. Наш дружок Нико не работает языком?

– Работает.

– Да? Не похоже на это.

– Неважно, не все хороши в оральном сексе, – ворчу я. –

Практика решает все, да?

Хантер, похоже, сдерживает смех.

– Разве вы не вместе уже как лет десять?

– Восемь, – нехотя говорю я. – Официально мы начали встречаться, когда нам было тринадцать.

– И он до сих пор не отточил свое мастерство в лизании кисок? – В его голосе сквозит недоверие.

– Не будь грубым.

– Ты хочешь, чтобы я называл это кунилингусом?

Фу, как ужасно звучит это слово. Кто его вообще приду-

мал?

– Слушай, я не говорю, что он плох в этом. Мне, честно, кажется, что проблема во мне. Мне просто это не интересно.

– Тебе делал это кто-то другой?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь, что проблема в тебе? – не отстает Хантер. – Ставлю сто баксов на то, что просто он не умеет отлизывать. Как долго он это делает?

У меня горят щеки.

– Недолго. – В защиту Нико я спешу добавить: – Мне кажется, ему просто слишком не терпится оказаться внутри меня.

– Но предвкушение – это половина всего веселья, – возражает Хантер.

Я пожимаю плечами.

– Неважно. Даже если проблема в нем, он делает потрясающие вещи, когда он внутри меня, а пальцами работает очень даже неплохо. Нельзя быть мастером во всем, да?

– Мне можно, – самодовольно говорит Хантер.

– Ага, я уверена, что ты феноменален в постели, как и все мужчины, хвастающиеся своими способностями в сексе.

– Со мной так и есть. Жаль, что ты никогда не узнаешь.

– Как и все остальные девушки, монах.

Он закатывает глаза. Его скорость остается такой же быстрой. Как он ведет полноценный разговор, не сбив дыхание? Я с трудом бегу и говорю одновременно. Чертовы спортсмены.

– Ну, несмотря на его очень разочаровывающие неудачи, Нико кажется хорошим парнем, – смягчается Хантер. – Он смешной.

– Он очень смешной. И да, он хороший парень.

– Если не считать конечно, никудышных оральных навыков.

– Они не никудышные. Они кудышные.

– Вот это заявление!

– Заткнись.

– Это ты заткнись. – Нико смотрит на меня своим злорадным взглядом. – Не волнуйся, я не расскажу ему, что ты так сказала. Это пошатнет его эго.

– Все, что мы с тобой обсуждаем, подпадает под врачебную тайну, – твердо говорю я.

– Заметано, док.

Женщина в узкой спортивной одежде нагибается и начинает делать приседания прямо в поле нашего зрения. Можно было бы подумать, что она случайно выбрала это место, если бы в зеркале не был виден ее голодный взгляд, намертво прикованный к Хантеру.

Он замечает свою воздыхательницу и подмигивает мне. Она не первая женщина, пытающаяся сегодня привлечь его внимание, и, я уверена, не последняя. Как же иронично, что он на воздержании, потому что любая телочка в этом фитнес-центре была ба счастлива с ним переспать. Прямо в спортзале. На виду у всех.

– Поверить не могу, что за всю жизнь ты спала только с Нико, – задумчиво говорит Хантер.

– А что такого?

– Да ничего. Просто удивительно.

– Мы вместе целую вечность – когда я могла спать с другими?

– Ты никогда ему не изменяла? Вообще никогда?

– Никогда. У нас бывали разрывы за все эти годы, но ни с кем другим я не спала.

Он вызывающе изгибает бровь.

– То есть ты во время этих разрывов ни с кем не мутила?

– Ну, я целовалась с несколькими парнями, – признаюсь я, пожимая плечами.

– Я и не такие размытые ответы слышал.

– Боже, тебе везде надо сунуть свой гребаный нос. Ладно. Я целовалась с тремя другими парнями, и с одним из них у меня был петтинг.

– Легкий или тяжелый?

– Легкий. Дальше второй фазы мы не пошли. Он хотел большего, но я постоянно чувствовала, что предаю Нико.

– Правда? Надо было пойти дальше. Потому что не хочу тебя расстраивать, но я *гарантирую*, что Нико пошел дальше второй фазы.

– Я знаю. Мы с ним честны друг с другом. Тем более во время одного из таких разрывов я видела, как он сосался на вечеринке с какой-то девушкой. Из-за этого я и занялась пет-

тингом с другим парнем. – Я нерешительно замолкаю. – И я знаю, что Нико спал с кем-то другим по крайней мере один раз.

– По крайней мере? – Кроссовки Хантера бьют по беговой дорожке, когда он повышает скорость. Он побежал еще быстрее! И он до сих пор нормально дышит. Это невероятно.

Я к этому времени уже двигаюсь со скоростью улитки, а я даже не переключилась на режим заминки.

– Я точно знаю, что у него был один перепих, потому что он сам мне об этом сказал. Но... мне кажется, один раз он мне изменил, – признаюсь я и тут же ругаю себя за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.